

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
художественно-литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. в Росс.

На годъ . . . 2 руб. 50 к. На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. На 1 мѣсяць . . . 25 коп.
Объявленія на страницахъ обложки: на 1-й—2 руб.
на 2-й—1 р. 50 к. на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ до-
полнительныхъ 60 к. за строку непарейля.

Главная Контора и Редакция: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
отдѣленіе: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“
Невскій пр., 50 (уголъ Саловой).

Сенсаціонное дѣло Янины Боровской.

1) Боровская во время пререканій съ председателемъ суда. 2) Советникъ Кофъ. 3) Судья Ясевичъ. 4) Судья Краусъ. 5) Защитникъ Боровской Шалая во время допроса мужа подсудимой. 6) Адвокатъ Клембовскій, представитель интересовъ семьи Левицкаго. 7) Боровская на снѣмъ подсудимыхъ. 8) Председатель суда Блонаровичъ читаетъ письмо Левицкаго.

Въ Краковѣ разбирается сенсаціонное дѣло по обвиненію Янины Боровской въ убійствѣ адвоката д-ра Левицкаго, состоявшагося защитникомъ въ процессѣ съ редакторомъ газеты «Впередъ», печатно объявившимъ

причастности Боровской къ политическому шпіонству. Левицкій, съ которымъ сошлась Боровская, скоро охладѣлъ къ ней и собирався жениться на графинѣ Тышкевичъ. Мотивами убійства считаютъ желаніе Боровской

уничтожить компрометирующіе ее документы, находившіеся у Левицкаго, и личную месть. Боровская отрицаетъ фактъ убійства, указывая, что Левицкій покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Смѣхъ укрепляетъ здоровье.

мир. 27. и. же рець ку-анов. ь), и за-ти и дѣй-1 р. Пр.

Общедоступные симфонические концерты графа А. Д. ШЕРЕМЕТЕВА въ залѣ Дворянскаго Собранія.

24-го января. Будетъ исполнена въ 1-й разъ Орагорія „Св. Францискъ“—Эдгара Тинель. 7-го февраля. 6-я Пасторальная симфонія, музыка къ трагедіи „Э-монтъ“, Листовскаго. Те Деум, въ 1-й разъ—Берлиозъ. 21-го февраля. 2-я симфонія „Весна“ на слова Некрасова С. В. Рахманинова. Песнямъ памяти Ф. Шопена (по поводу 100-лѣтія со дня его рожденія). Похоронный маршъ. (Иустр. А. К. Глазунова). Концертъ для фортепіано. Романсы и пѣсни. Сюита, въ 1-й разъ (по поводу 100-лѣтія со дня его рожденія). 14-го марта. Въ честь К. Сенъ-Санса, по поводу 75-лѣтія его рожденія. 2-я симфонія. Соло. Сенъ-Сансъ. Орагорія „La Vierge“ (Иустр. М. А. Балаширева). 28-го марта. Хораль, прелюдія и fuga, въ 1-й разъ Бахъ-Абертъ, Stabat Mater Перголезе. (Иуструм. А. Ф. Львовымъ). „Пустыня“ въ 1-й разъ Массенэ. 25-го апрѣля. Заключительный въ сезонѣ 134 концертъ. Песнямъ памяти П. И. Чайковскаго. 4-я симфонія Соло. П. И. Чайковскій Отрывки изъ оп. „Нюрнбергскіе Мастерзингеры“, въ 1-й разъ Р. Вагнеръ.

Императорское С.-Петербургское Общество

Поощренія Рыбистаго Коннозаводства.

На Семеновскомъ == плацу ==

БЪ Г А.

Въ воскрес., 17 января, приз. на сумму 11654 р.
Въ четвергъ, 21 " " " " 8882 р

Въ воскрес., 24 января, приз. на сумму 16170 р.
Въ четвергъ, 28 " " " " 9870 р.

Въ пользу С.-Петербургскаго О-ва Народн. Университетовъ.
Въ пятницу, 22 Января 1910 г. въ залѣхъ Дворянскаго Собранія

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ И БАЛЪ

начало въ 9 час. вечера

Великороссы, Украинцы, Бѣлорусы, Сибирь (якуты, буряты), Поляки, Литовцы, Эсты, Латыши, Армяне, Грузины, Лезгинцы, Осетины, Татары, народности Туркестана. I. Объединенный концертъ всѣхъ народовъ, національная музыка и танцы. II. Национальные павильоны. III. ТАНЦЫ до 3-хъ час. ночи. (дирижируетъ арт. Инст. театр. Н. Н. Яковл. въ). Балъный оркестръ подъ управленіемъ артиста императорскихъ театровъ М. И. Очинева. Въ объединенномъ концертѣ примутъ участіе: А. С. Абрамьянъ, К. О. Берсонъ-Гелітцъ, проф. Г. Витоль, Н. В. Дуляквичъ, Явльга Залеская, К. Пюгровскій, Айно Таммъ, г. III.* и др. Аккомпанируетъ В. А. Богучица-Штейнъ. Роль фавъ, III. едера. Въ программѣ въ концертномъ отдѣленіи въ 1-й разъ: **ВАНХАНАЛІА**, танецъ сочиненій и постановки М. М. Фомина. Музыка А. К. Глазунова. Костюмы по рисункамъ Л. С. Бакста. Оркестръ въ 60 чел. изъ состава Симфоническаго оркестра С.-Петербургскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Музыкальнаго Общества подъ управ. г. Гордона. При великорусскомъ отдѣлѣ: **БУФЕТЪ** (холодный и горячій). На эстрадѣ: балалаечники, гармонисты, цѣнное пианино. Билеты (мѣста, кромѣ входныхъ, всѣ номерованныя) отъ 2 р. 10 к. (для учащихся 1 р. 10 к.) до 15 р. продается: 1) отъ 1 р. 10 к. до 3 р. 10 к. въ Секретариатѣ СНО Общества Народныхъ Университетовъ (Гагаринская ул., д. 16), отъ 10—4 ч. дня; 2) остальные—въ магазинахъ: **Конради**, Невскій, противъ Думы; **Урлауза**, Невскій 54; **Исамухамедова**, Пассаажъ, 46, а въ день бала въ кассѣ Дворянскаго Собранія (Михайловская площадь). Отъ 12 ч. ночи добавочные входные билеты для бала. Мѣста продажи билетовъ отъ землячества (на всѣ пѣны): Армянскаго землячества—магазинъ Ходжеянатова, Невскій, противъ Думы; Украинскаго землячества—магазинъ Балабуха, Владимирскій, 13; Латвійскаго землячества—маг. Сетинсона, Гороховая, 14; Татарскаго землячества—маг. Благинъ и Робинсонъ, Цет. стор., Большой пр., 29.

Примѣчаніе. Входные и студенческіе билеты на время концерта исключительно на хоры. Желающіе изъ публики притягиваются въ национальныхъ костюмахъ. Организацию бала принимаютъ на себя особая комісія Театральной Секціи СНО Общества Народныхъ Университетовъ—Гагаринская ул., 16, тел. 232—89. Справки выдаются отъ 5—6 часовъ вечера ежедневно.

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ.

Во вторникъ, 19-го января, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ КОНЦЕРТЪ

А. Д. Вальцевой.

Лит. А. В. Таскинъ. Подробности въ программахъ. Роль Бр. Дидерихсъ А. В. ЛЪЦЕВА исключительно исполнитъ романсы старого репертуара. БИЛЕТЫ продаются отъ 11 ч. утра до 6 ч. веч. въ центр. пав. К. Ремонъ и Сынъ, Казанская, 3.

6 февраля второй концертъ
состоитъ подлѣ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ
ВЕЛИКОРУССКАГО ОРКЕСТРА
В. В. АНДРЕЕВА,
съ участ. пѣвцовъ, артист. и артистокъ. Билеты прод. отъ 10 до 7 ч. в. въ музык. магаз. Т-во Югансъ, Невскій, 68.

ТЕАТРЫ
СПБ. ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА о НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ
Народный Домъ Императора Николая II:
ВЪ ТЕАТРЪ: ежедневно оперныя и драматическія представленія.
Василеостровскій театръ: драматическія представленія по воскресеньямъ, четвергамъ и въ праздничные дни.
Ф. Стенляный заводъ:

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ТЕАТРЪ (Екатерининскій кан., 90), Тел. 257—82.
Въ теченіе предстоящ. недѣли будутъ предствлены:
„Гладиаторы нашихъ дней“, въ 6 карт., соч. Брешко-Брешковскаго и Смирнова.
„Сатана“, соч. Гордона и „Арсенъ Люпенъ и Шерлокъ Холмсъ“.
Билеты прод. въ театрѣ съ 11 час. утра и Центральной кассѣ (Невскій, № 23).

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КЛУБЪ * Сегодня и ежедневно **НАБАРЕ** — „Кривоа зерцало“ Э. В. Холмской. „Многострадальная“ въ 1-мъ дѣлѣ карт., соч. Нѣкто. „Страшный набачекъ“, гротескъ въ 1-мъ дѣлѣ. „Роза и Василень“, любовная пастораль соч. Л. Урианона „Водотолчея“, соч. Антимонова.
СПБ., Литейный пр., 42.
Образцовая во всѣхъ оттошеніяхъ опера.

«ВАМПУКА», **Образцовая во всѣхъ оттошеніяхъ опера.**
Сольные номера; исполн. г-жа А. С. Абрамянъ, О. Э. Озаровская, гг. Икаръ и др. Пѣны мѣстамъ быкновенныя отъ 1 р. 20 к. до 4 р. 20 к. Билеты продаются отъ 12 час. дня. Нач. въ 8³⁰ час. веч. Реж. бар. Р. Угери.

БУФФЪ * Сегодня и ежедневно
„Графъ Люксембургъ“
постановка оперетты гл. реж. А. С. ПОЛОНСКАГО.
Гл. дир. И. Шпачекъ, гл. реж. А. С. Полонскій. Уполн. дир. Л. Л. Пальмскій.

НОВЫЙ ЦИРКЪ * * СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО *
въ 8 час. вечера дебютъ известной дрессировщицы **Миссъ ФИЛЛИСЪ**
гастроли группы великобританскихъ въ корзинѣ **БОРГИ**
и БОЛЬШАЯ, РАЗНООБРАЗНАЯ, ИНТЕРЕСНАЯ ПРОГРАММА!!
Билеты продаются въ центральной и цирковой кассѣ. Директоръ Злобина.

АКВАРИУМЪ * * СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО *
SOUPER AMUSANT.
Большой и разнохарактерный дивертиссементъ.

ТЕАТРЪ „ПАССАЖЪ“ * * Сегодня и ежедневно *
Невскій, 48, Тел. 252-76. послѣдняя новинка въ нынѣ—музыкальная опера въ 3 дѣйствіяхъ.
Дир. С. Н. Новикова. Начало въ 8¹⁵ час. вечера. Билеты продаются въ кассѣ театра Гл. режис. А. В. Вилинскій.
„ШАЛУНЯ“

„Литейный театръ“ * * Сегодня и ежедневно съ участіемъ *
Литейный, 51. Тел. 112—75. В. А. Панской и В. Я. Радомскаго новая оперетта-пародія. „Тайна колодца“ или „Возвращеніе герцога съ похода“.
ТЕАТРЪ СИЛЬНЫХЪ ОЩУЩЕНІЙ * * Сегодня и ежедневно *
„GRAND GUIGNOL“ * * Сегодня и ежедневно *
подлѣ гл. режиссерствомъ * * Сегодня и ежедневно *
В. А. Казанскаго. * * Сегодня и ежедневно *
Новая 2 акт. драма, пользующ. боль. успѣхъ. * * Сегодня и ежедневно *
Новая мѣтка „Тихое семейство“! Отъ реж. П. П. Ивановскій, Капельмейст. Л. Л. Нейманъ. * * Сегодня и ежедневно *
въ 6 дѣйствіяхъ. Начало въ 8¹⁵ час. веч. * * Сегодня и ежедневно *
Билеты въ театрѣ отъ 11 час. утра и Центральной кассѣ (Невск. № 23).

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО
представленія всемірно-известнаго знаменитаго укротителя звѣрей
г. Генриха Генриксенъ съ его группою громадныхъ тигровъ и другой дрессировки „Les Terribles Tigres“. Одинъ изъ нихъ „Цезарь“ является рѣдкимъ по величинѣ экземплярномъ и необыкновенно свѣростию.
ЦИРКЪ ЧИНИЗЕЛЛИ
Основанъ въ 1847 году. Всемиръ громадный успѣхъ.
4 братьевъ **КАРОЛИ**, известнѣйшіе и лучшіе венгерскіе наѣздники. **Карль и Люсія Рейкшъ**, наѣздники высшей школы со своими чистокровными лошадыми и породистыми собаками. Знаменитый парижскій клоунъ **Бобъ О'Конноръ** и т. д. и т. д.
Подробности въ программахъ.
Начало представл. въ 8 час. веч. * Касса открыта съ 10 час. утра. Директоръ цирка С. С. Чинизелли.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
художественно-литературный
Журналъ

Огонекъ

На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяць . . . 25 коп.

Объявленія на страницахъ обложки: на 1-й—2 руб.,
на 2-й—1 р. 50 к. на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ до-
полнительныхъ 60 к. за строку непарелла.

Главная Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“,
Невскій пр., 50 (уголь Садовой).

Водосвятіе и крещенскій парадъ въ Царскомъ Селѣ въ Высъ чайшемъ присутствіи 6-го января

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ» К. К. Булла.

1) Высочайшій выходъ Его Императорскаго Величества Государя Императора со свитой на водосвятіе; 1) Его Императорское Величество Государь Императоръ. 2) Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ. 3) Министръ Императорскаго Двора ген.-ад. баронъ Б. В. Фредеринсъ. 4) Генераль-адъютантъ Н. В. Клейгельсъ. 5) Военный министр ген.-отъ-нав. В. А. Сухомлиновъ; II) Водосвятіе. (X) Его Императорское Величество Государь Императоръ; III) Окропленіе знаменъ святою водою. 1) Его Императорское Величество Государь Императоръ. 2) Его королевское высочество королевичъ Николай Греческій. 3) Е. И. В. Великій Князь Борисъ Владиміровичъ.

СИЛЬНѢЕ СМЕРТИ.

Разсказъ Мориса Ренара.

Посвящается памяти Эдгара Поэ.

Господину прокурору Республики.

Среда, 10-го марта, 1909 г.

Милостивый государь!

Вскрывая это письмо, вы уже знаете, при какихъ обстоятельствахъ оно было найдено, и знаете, что я умеръ.

Да, я сегодня застрѣлюсь.

Едва ли кто-нибудь опротестуетъ фактъ моего самоубійства. Хочу надѣяться, что квартира окажется въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я ее оставляю, и что самъ я буду признанъ несомнѣннымъ и вполне обыкновеннымъ самоубійцей.

Есть одно обстоятельство, способное окружить тайной мою смерть и вызвать толки... обстоятельство до того ужасное, что легче умереть, чѣмъ знать, что оно существуетъ... Легче умереть, увѣряю васъ!

Но я умираю не только поэтому. Я надѣюсь... видите ли... Уничтожая свое существованіе, я надѣюсь однимъ и тѣмъ же ударомъ уничтожить и это... обстоятельство,—понимаете? Но я не увѣренъ, что оно погибнетъ со мной... И я рѣшилъ открыть вамъ свою тайну.

Я долженъ быть очень кратокъ. Чтобы не терять времени на описаніе тѣхъ лицъ, о которыхъ я буду говорить, я оставилъ вамъ при этомъ письмѣ двѣ фотографіи. Взгляните, будьте добры, на эту группу: это не полчище сумасшедшихъ,—это группа молодыхъ и веселыхъ ребятъ, студентовъ архитектурныхъ классовъ Монжени, вздумавшихъ въ одно прекрасное воскресенье собраться во дворѣ школы, чтобы вмѣстѣ сняться вотъ въ этихъ причудливыхъ и живописныхъ позахъ.

Это выпускъ 1896 года. Сколько было тогда молодого веселья,—и какъ все грустно теперь!..

Видите, во второмъ ряду налѣво молодого человѣка въ очкахъ и съ палитрой въ рукѣ? Это извѣстный акварелистъ Гильомъ Дюпонъ Лардэнъ; имя его вамъ, навѣрное, знакомо. По настоянію родителей, онъ вынужденъ былъ готовиться къ карьерѣ архитектора, но, едва получилъ дипломъ и съ нимъ независимость, онъ отдался всей душой своей давнишней страсти акварельной живописи. Это мой лучший другъ, единственный другъ за всю мою жизнь.

Тамъ же, налѣво, пониже, рядомъ маленькая группа изъ трехъ человѣкъ: одинъ сидитъ съ закрытыми глазами, другой—бородатый толстякъ—какъ будто дѣлаетъ, стоя, гипнотическіе пассы, и третій, высокий, черный съ длиннымъ носомъ съ горбинкой. Это тотъ третій—я; остальные двое—Жюлио и Сальпетрѣ,—дѣйствительные медиумы и гипнотизеры. Ихъ опыты были всегда самымъ интереснымъ номеромъ въ программахъ нашихъ вечеровъ и собраний. Я былъ только любителемъ и, такъ сказать, ученикомъ Сальпетрѣ, который усиленно старался привлечь меня къ гипнотизму,

увѣряя, что съ моимъ взглядомъ, «еще больше орлинымъ, чѣмъ носъ», я былъ бы первымъ въ мірѣ гипнотизеромъ.

Перейдемъ къ другой фотографіи. Я не разставался съ ней ни на мигъ съ того момента, когда укралъ ее... О, безумецъ! Я могъ плакать надъ ней цѣлыя ночи, я обладалъ высокимъ счастьемъ вѣчнаго, неумолимаго, неумолимаго стремленія,— и захотѣлъ его удовлетворить! Разрушилъ, растопталъ... и передо мной одна мука раскалывающаго, одного ужаса...

Да, это было безумно и преступно. Но все же... посмотрите на нее! А вѣдь передъ вами только нѣмая и недвижимая форма. Вы скажете равнодушно: «Хороша! Скандинавскій типъ красоты»—и спокойно переведете глаза на другое. Но если бы вы знали!..

Я увидѣлъ ее въ первый разъ въ полуосвѣщенной гостиной. Мнѣ казалось, что яркій свѣтъ солнца вдругъ прорѣзалъ полумракъ... Что-то блѣлое, розовое, блѣлокурое сверкнуло передо мной, залитое ослѣпительнымъ блескомъ внешней зари... Ясный, открытый взглядъ продолговатыхъ сѣрыхъ глазъ... Я былъ ослѣпленъ.

Я не замѣтилъ Гильома за ней, не понимая, кто и зачѣмъ назвала мое имя, и какъ со сна разбуженный вздрогнулъ, когда онъ произнесъ:

— Моя невѣста

Земля подо мной зашаталась и потолокъ, казалось, придавилъ мнѣ голову. Въ ту минуту я зналъ уже, что погибъ безповоротно.

Быть можетъ, мнѣ надо было бѣжать въ тотъ же вечеръ. Я и хотѣлъ было, но боялся омрачить радость Гильома, боялся, что это бросится въ глаза и покажется подозрительнымъ. А, можетъ быть, я лукавилъ съ самимъ собой?

Я и теперь не знаю, было-ли героизмомъ или трусостью, что я остался. Но я остался.

Героизмъ или трусость былъ я тогда, когда уступилъ ихъ настояніямъ построить домъ для нихъ? Гильомъ купилъ ветхій домикъ въ концѣ бульвара Клиши—любимое мѣсто обоихъ,—и тамъ я долженъ былъ свить гнѣздышко ихъ счастью. Мука? О, да, это была мука, которой нѣтъ названія, но и счастье безъ мѣры и предѣла. Въ упоеніи счастливаго влюбленнаго, въ религиозномъ экстазѣ фанатика возводилъ я камень за камнемъ, отдѣлывалъ, обставлялъ...

Ея красота дѣлала легкой мою задачу. Хотите?—сѣздите, посмотрите этотъ отель. Что за стиль у меня вышелъ—не знаю: не то норвежское шале, не то что-то датское или русское. Храмъ богини или рамка для неизяслимой красоты? Товарищи прозвали его «избой»....

Боже мой, время бѣжить. Я слышу, какъ отсчитываютъ его за моей спиной часы. А вы еще ничего не знаете. Надо разсказывать короче.

За время постройки дома мы сблизились такъ, что о бѣгствѣ поздно было думать: моя борьба могла разрѣшиться смертью или—удовлетвореніемъ. А умирать я не хотѣлъ, не попытаться счастья. И я опускался со сту-

пеньки на ступеньку, дѣлалъ низость за низостью.

Я не только не бѣжалъ,—я нанялъ для себя вотъ эту квартиру на бульварѣ Клиши, въ двухстахъ метрахъ отъ «избы». Гильомъ и Жильета такъ рады были, что я буду жить близко, что мы будемъ видѣться каждый день. Приборъ для «милаго архитектора» всегда стоялъ въ построенной и обставленной имъ столовой; на столѣ, сдѣланномъ по его рисунку.

Любили они другъ друга безумно... Казалось бы, это должно было меня образумить, отнять у меня всякую надежду. Нѣтъ! Ихъ ласки только разжигали мою страсть, острыя ревнивыя муки только питали мою любовь. По логикѣ безумія, я былъ увѣжденъ, что ихъ любовь—только временное заблужденіе. Развѣ они созданы другъ для друга? Это роковая ошибка! Какое право у нихъ любить другъ друга, когда Жильета вся, вся содана для меня! Какъ можно не видѣть этого? Эти руки созданы, чтобы обвиваться вокругъ моей шеи, какъ моя шея для нихъ... Развѣ не видно по самому рисунку нашихъ губъ, что только онѣ могутъ слиться въ совершенномъ, гармоничномъ поцѣлуѣ?.. Мы съ ней—дѣйствительно половинки одного цѣлаго, и только нашъ бракъ могъ бы быть истиннымъ бракомъ...

Чѣмъ инымъ можно было бы объяснить эту иступленную, почти нечеловѣческую страсть?

Три часа уже! Три пробило за моей спиной, — а я еще ничего не сказалъ! Я какъ будто самъ трусливо отдаляю разсказъ о томъ, главномъ...

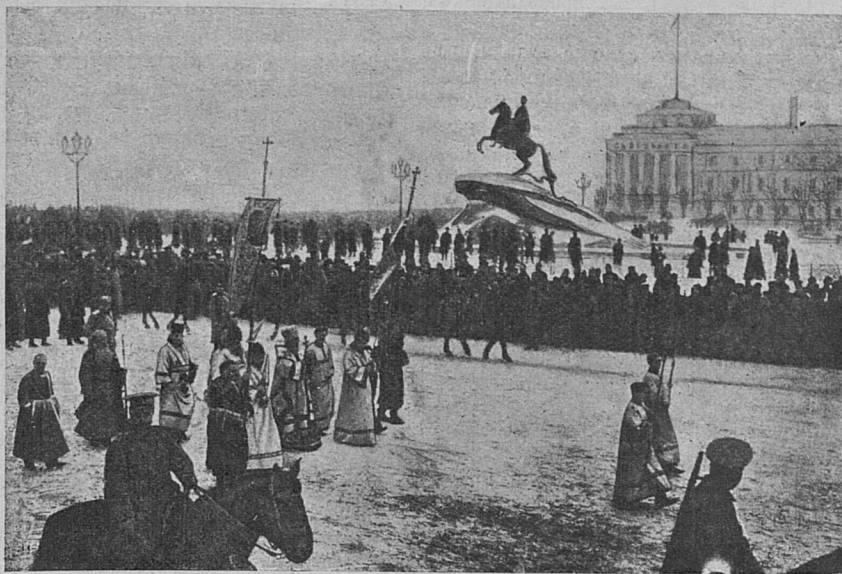
Больше двухъ лѣтъ прожилъ я такъ около нихъ, поглощенный единственной заботой — устройтъ какъ-нибудь возможность остаться съ ней наединѣ. Это очень рѣдко удавалось: когда онъ работалъ, часто до поздней ночи, она сидѣла около него, — изъ дому они всегда уходили вмѣстѣ. Сколько нужно было хитростей, уловокъ, чтобы разлучить ихъ, не выдавая себя! И я дѣлалъ эти гнусности...

Только разъ въ недѣлю я шелъ къ нимъ съ увѣренностью, что застаю ее одну. По средамъ, отъ 5-ти до 7-ми. Въ этотъ день Гильомъ уѣзжалъ въ женское учебное заведеніе, гдѣ онъ читалъ курсъ исторіи искусства. Иногда случалось, что я не заставалъ ее, иногда какой-нибудь нахалъ отравлялъ своимъ присутствіемъ эти рѣдкія и короткія мгновенія моего грустнаго счастья. Но большей частью все же эти часы были мои, мой свѣтлый праздникъ,—такъ какъ Жильета очень любила свое гнѣздышко и неохотно покидала его безъ нужды, посторонніе рѣдко бывали не въ приемный день, а моего общества она не имѣла причины избѣгать.

Тридцать мѣсяцевъ, тридцать мѣсяцевъ я жилъ отъ среды до среды — два часа въ недѣлю, и видѣ ихъ у меня не было жизни... Буквально, г. прокуроръ. Поглощенные своимъ счастьемъ, ни Жильета, ни Гильомъ ничего не замѣчали. Мнѣ были рады... А я, по логикѣ безумія, все больше

ДЕНЬ КРЕЩЕНИЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. КРЕСТНЫЙ ХОДЪ, ВОЗВРАЩАЮЩИЙСЯ СЪ ВОДОСВЯТІЯ НА НЕВЪ ВО ГЛАВЪ СЪ МИТРОПОЛИТОМЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ И ЛАДОЖСКИМЪ АНТОНИЕМЪ.

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» В. К. Булла.

(X) Высокопреосвященнѣйшій Антоній.

и больше создавалъ себѣ иллюзіи изъ ея добраго, дружескаго расположенія ко мнѣ. Никогда, ни разу не вырвалось у нея ни одного слова, ни одного движенія, которое я имѣлъ бы хоть какое-нибудь основаніе истолковать въ свою пользу. Но я — маниакъ, галлюцинтъ! — умудрялся въ простомъ словѣ уловить скрытый намекъ, въ простомъ, дружелюбномъ взглядѣ — затаенную ласку... И въ первый же разъ, когда между ними произошла маленькая размолвка, — я имѣлъ низость воспользоваться этимъ моментомъ для своихъ видовъ.

Была среда. Мы были одни.

Я высказалъ ей все.

Вначалѣ она просто не сообразила, въ чемъ дѣло, потомъ, когда поняла, попыталась обратить все въ шутку. Но когда сомнѣнія въ глубокой серьезности моего признанія не могло оставаться, она заговорила... Столько было искренняго огорченія въ ея словахъ, столько кроткой доброты въ ея голосѣ, что всѣ мои надежды вмигъ были разрушены, убиты.

Миражъ разсѣялся; за нимъ зіяла черная ночь безъ просвѣта. Я слушалъ Жильету, какъ въ бреду. Италъ, умереть. Сегодня же вечеромъ. Больше мнѣ ничего не остается, — жить безъ надежды у меня не хватитъ силъ, простого желанія.

Она этого не знаетъ, она не прочла въ моихъ глазахъ, что они смотрятъ на нее въ послѣдній разъ. Она выговариваетъ мнѣ ласково, какъ сестра, увѣщаетъ, какъ мать... Боже мой, такъ близко стъ нея... Я не сводилъ съ нея глазъ. Кто сказалъ бы, глядя на насъ, слушая ея тихую, чуть взволнованную рѣчь, что она произноситъ мой смертный приговоръ...

Вся моя жизнь, всѣ мои живыя силы сосредоточились въ моихъ глазахъ. Я хотѣлъ впитать, всосать въ себя ея образъ... Въ послѣдній разъ!..

— Бѣдный другъ мой, какъ могли вы поддаться такому безумію? Боже мой, какъ это дурно, какъ это непохоже на васъ! А Гильомъ? — подумали вы о немъ? Вѣдь вы не остановитесь передъ серьезной жертвой, чтобы избавить его отъ малѣйшей несправедливости, — я это знаю! — и вы хотѣли бы

причинить ему такое горе? Полноте, я не узнаю васъ! Это моментъ безумія, вы его стяхнете съ себя, какъ кошмаръ... Почему вы такъ странно смотрите?.. Вы не слушаете меня совсѣмъ!

— Знаете что, другъ мой: я даже не скажу Гильому объ этой глупости, сорвавшейся у васъ съ языка. Его глубоко огорчилъ бы разрывъ съ вами, — а быть можетъ, и покой его былъ бы все-же нарушенъ. Я вѣрю, увѣрена, что вы очень скоро справитесь съ этимъ и безъ разлуки. Забудемъ просто весь этотъ досадный разговоръ. Я никогда не вспомню того, что вы сказали, вы забудете, что я пробирала васъ, — и мы заживемъ опять по-прежнему... безъ досады, безъ горечи. Конечно, если бы вы вздумали снова... мнѣ пришлось бы открыть Гильому... Вторично выслушать это было бы недостойно жены Гильома. Но этого и не будетъ! Правда? Забыто? Ну, дайте же мнѣ слово!

Будетъ... не будетъ... какъ это дико звучитъ! Будущее — для другихъ, у меня его нѣтъ. Я только смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ, не отрываясь. Единственная свѣтлая точка на фонѣ страшной черной ночи. Подъ моимъ взглядомъ все шире и шире открывались ея продолговатые глаза, въ нихъ замелькали искорки тревожнаго любопытства, испуга... И я больше не увижу этихъ глазъ? Никогда? Никогда?!

— Скажите-же что-нибудь... вы меня пугаете! Вы совсѣмъ не слушаете меня! Скажите, — общаете? Забыто? Ну, дайте мнѣ руку — просто, по-товарищески, какъ мужчине. Вотъ такъ! Поклянитесь мнѣ, что вы овладѣете собой, не будете страдать, не повторите... этой непорядочности. А я, съ своей стороны, клянусь вамъ...

Г. прокуроръ! Она умолкла... на полусловѣ! Голосъ ея при послѣднихъ двухъ-трехъ фразахъ звучалъ все тише, медленнѣе, глуше... какъ граммофонъ, и оборвался, какъ граммофонъ, когда заводъ весь вышелъ, — тягостно и странно. И въ тотъ же мигъ лицо ея утратило всю свою жизнь, стало каменнымъ, ледянымъ, — вѣки болѣзненно дрогнули и опустились, и изъ-подъ нихъ выглянули бѣлые, безжизненные, стекля-

ные глаза... Умолкла. Я слишкомъ долго и напряженно смотрѣлъ на нее. Она уснула.

Я это замѣтилъ раньше, — когда ея руки коснулись моихъ, — съ ужасомъ замѣтилъ, повѣрьте мнѣ! Тутъ не было моей вины, — нѣтъ, нѣтъ! Раскройте любой учебникъ гипнотизма, — вы увидите, что невозможно загипнотизировать человѣка безъ его желанія. Это былъ какой-то непонятный, исключительный случай — почти чудо. Я этого не хотѣлъ! Но когда это случилось, — я всей душой, объятый мраккомъ ужаса и горя безъ исхода, ухватился за этотъ дьявольскій лучъ спасенія...

И вмѣсто того, чтобы снять очарованіе съ бѣдныхъ, бьющихся въ цѣпяхъ чужой воли глазъ, я еще крѣпче сковалъ ихъ гипнотической силой своего взгляда и настойчиво, властно повторилъ про себя: — Спи!.. Спи!.. Спи!.. Спи!.. Спи!.. Спи!..

И вотъ она уснула, и сидѣла передо мной холодная, блѣдная, скованная каталепсией, похожая на свое собственное изваяніе изъ мрамора.

И все ея будущее было въ моихъ рукахъ.

Надо было дѣйствовать безъ замедленія: кто-нибудь могъ войти неожиданно... Я началъ быстро составлять въ умѣ формулу внушенія, которое сдѣлаю Жильетѣ. Приказанія должны быть сформулированы ясно, точно, полно, кратко — такъ, чтобы ихъ легко было усвоить и нельзя было бы истолковать ихъ неправильно.

Съ минуту я боролся со страхомъ: я боялся, что кто-нибудь можетъ войти, и еще... другого... Я говорилъ вамъ: загипнотизированные внушаютъ мнѣ страхъ. Мнѣ трудно заставить себя говсрить съ ними. Это таинственные собесѣдники. А на сердцѣ тоска и тревога.

Но предаваться малодушію некогда было. Я началъ съ обычныхъ традиционныхъ вопросовъ:

— Жильета, вы спите?

— Да.

И беззвучно, какъ автоматъ, она отвѣтила:

— Ресположены-ли вы повиноваться мнѣ?

Молчаніе.

— Это необходимо. Я требую. Будете повиноваться?

— Да.

— Хорошо. Запомните же: начиная съ будущей среды... включительно, — каждую среду въ 5 часовъ вы будете приходите ко мнѣ и (это я выжалъ изъ себя почти съ рыданіемъ) будете моей, — со всей страстью, со всѣмъ пыломъ, на который способна беззавѣтно любящая женщина, счастливая своей любовью... Въ 7 часовъ вы будете уходить отъ меня, потерявъ воспоминаніе о нашемъ свиданіи — до слѣдующей среды. Затѣмъ, при пробужденіи вы забудете, что я васъ усыпилъ. Хорошо ли вы усвоили?

— Да.

— Повторите.

Слово за словомъ, безучастно и вяло, какъ школьница, отвѣчающая басню, она повторила это дьявольское приказаніе. Это было нестерпимо. Я поторопился кончить эту гнусную сцену и принялся будить ее.

Къ счастью, все шло нормально. Подъ моими пассами щеки ея начали оживать, розовѣть, затрепетали рѣсницы, тѣло снова приобрѣло гибкость, зашевелились губы, и обычный звучный голосъ договорилъ прерванную фразу:

— ...что никогда ничего не скажу Гильому. Общайте же! Скажите, что все забыто!

— Да, да, общаю! — весело воскликнулъ я, едва овладѣвая приступомъ истерическаго смѣха. — Вы правы, это было безуміе... Вы меня излѣчили... надолго, добрая,

Новый венгерский министр-президент
гг. Кузнь-Хедервари.
Со снимка фотографа К. Шварца.

милая! Я сдѣлалъ гадость... забудьте! Никогда не будемъ больше...

— О, какъ я рада! Какой кошмаръ вы сняли у меня съ души! Вотъ видите, я знала! Вы опять нашъ добрый, дорогой другъ! А теперь — вы должны простить меня, другъ мой, — я васъ прогону: я переволновалась, разыгралась жестокая мигрень...

Мучительно потянулась недѣля. Какъ въ чаду, я метался съ одной неотвязной мыслью: придетъ-ли она? Должна притти, если вѣрить наукѣ. Но полная любви и радости жизнь въ «избѣ» могла бы поколебать самага Бога. Придетъ-ли она?

И что я сдѣлалъ? Жалкій диллетантъ—гипнотизеръ, знахарь-недоучка, я, какъ порочный ребенокъ, играю съ чѣмъ-то огромнымъ, священнымъ, глубоко-таинствен-

Новая американская «принцесса».
Со снимка Д. Джемса.

Дочь президента Тафта — миссъ Эленъ, повидимому, рѣшила добиться такой-же популярности, какою пользовалась миссъ Алиса Рузвельтъ.

Недавно миссъ Эленъ энергично выступала въ защиту забастовавшихъ нью-йоркскихъ портнихъ.

нымъ... А если и придетъ? Можетъ ли мнѣ дать хоть мигъ счастья вынужденная любовь безвольнаго автомата?..

Настала среда. Это было 1-го октября. На всякій случай, я превратилъ свою комнату въ настоящую оранжерею, убралъ ее дорогими растениями и цвѣтами и вышелъ на подъѣздъ встрѣтить ее, проводить на второй этажъ.

Но когда я увидѣлъ ее еще издали, радостно взволнованную, переходившую черезъ дорогу торопливыми шагами легкихъ маленькихъ ножекъ, — я забылъ о безвольномъ автоматѣ... Подошла, подняла на меня смѣющіеся, лукавые глаза...—о, это не глаза сомнамбулы!..—прошептала: «Какъ это неосторожно... Уходите скорѣй!» — и весело взбѣжала по лѣстницѣ...

Человѣческая душа полна противорѣчій. Счастье было неимоверно, сказочно-огромно, — и я поколебался: а что, если это была тонко разыгранная комедія? О, чаровница-плутовка, — вотъ какъ? Притвориться — и придать своему тайному желанію такой невин-

ный видъ, гарантировать себя безотвѣтственность...

Вдругъ Жильета рванулась изъ моихъ объятий.

— Пора. Я чувствую. Надо уходить.

Я попробовалъ удержать ее за ленточку, — лента осталась у меня въ рукѣ съ обрывкомъ кружева, и она нервно, быстро начала одѣваться.

Какой взрывъ отчаянія, сколько грустной нѣжности было въ ея прощаньи! Какъ она повторила: «Недѣлю цѣлую! Семь долгихъ дней!» Съ какимъ усиленнымъ вырвалась, наконецъ, крикнувъ мнѣ съ послѣдней ступеньки съ улыбкой сквозь слезы: «До среды!..»

Страшной тоской сжалось у меня сердце, когда я вернулся въ комнату, — и еще какимъ-то смутнымъ жуткимъ чувствомъ: Жильета и мадамъ Дюпонъ-Лардэнъ странно двоились и сливались въ моемъ сознаніи. Я рѣшилъ, что это простая тревога о томъ, не сохранилось-ли въ памяти Жильеты смут-

КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ БРАКОСОЧЕТАНІЮ.

Изъ Брюсселя сообщаютъ о предстоящей свадьбѣ принца Виктора-Наполеона и принцессы Клементины, младшей дочери покойнаго бельгийскаго короля Леопольда. Принцъ

родился въ 1862 г. Онъ сынъ принца Жерома-Наполеона Бонапарта и является однимъ изъ претендентовъ на французскій престолъ. Принцесса родилась въ 1872 г.

Принцесса Клементина.

Принцъ Викторъ-Наполеонъ.

Съ рисунка константинопольскаго корреспондента журнала «Огонекъ».

Пожаръ зданія турецкаго парламента.

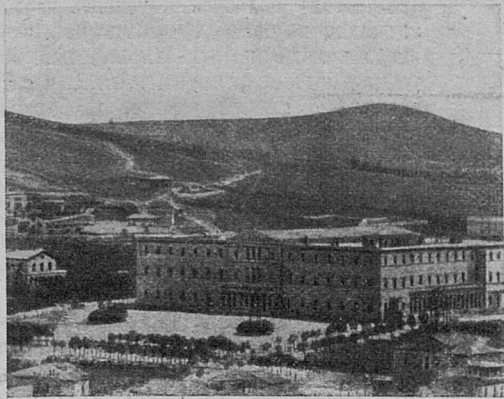
6-го января въ Константинополѣ сгорѣлъ Чераганскій дворецъ, въ которомъ помѣщается сенатъ и парламентъ.

Пожаръ начался въ 11 час. утра, во время засѣданія палаты. Депутаты успѣли благопо-

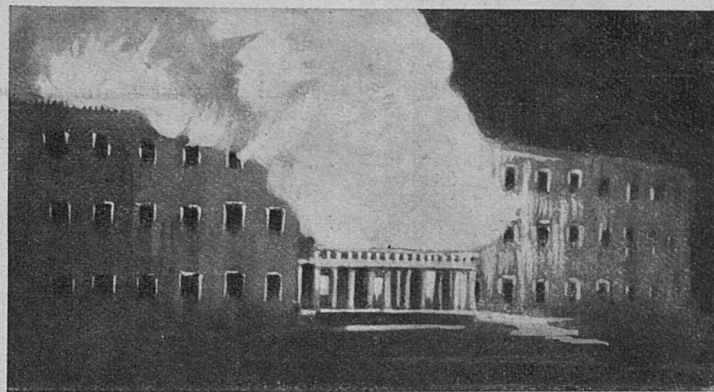
лучно удалиться изъ зданія. Бумаги изъ канцелярій палаты и сената удалось спасти. Очевидцы вынесли впечатлѣніе, что пожаръ начался сразу со всѣхъ четырехъ концовъ. Подрывається поджогъ.

Пожаръ королевскаго дворца въ Афинахъ.

Со снимковъ фотографа А. Панаиотти.

Видъ дворца до пожара.

Пожаръ.

наго впечатлѣнія о происшедшемъ, и на другой же день позвонилъ у подъезда «избы».

Приняли меня, какъ всегда, запросто и сердечно: Гильомъ былъ немощно встревоженъ тѣмъ, какой онъ засталъ Жильету вчера, вернувшись съ лекціи,—ужасно блѣдной и слабой. Она тоже пожаловалась на слабость и утомленіе, причинъ которыхъ не могла понять.

Я улучилъ минуту, когда мы остались одни, и поставилъ прямо вопросъ, что она дѣлала наканунѣ между 5 и 7 часами вечера. Она мнѣ шутя отказала въ «отчетѣ», но я видѣлъ, что она мучительно вспоминала и была смущена оттого, что не могла вспомнить.

Успокоившись, я скоро ушелъ: мнѣ было

странно и неприятно сидѣть въ гостяхъ у этой чужой и равнодушной Жильеты, которая недѣлю тому назадъ отчитывала меня, какъ мальчишку, и снисходительно указала забывшемуся грубіану его мѣсто. Въ будущую среду...

Я посмотрѣлъ на часы... Безъ пяти минутъ четыре... Тридцать пять минутъ жизни... Ахъ, раньше надо было начать письмо! Такъ хотѣлось бы передохнуть, собраться съ мыслями!..

Итакъ, это было въ началѣ октября. Въ «избѣ» я началъ показываться все рѣже и рѣже; меня упрекали за это. Жильета постаралась осторожно дать мнѣ понять, что я напрасно смущень той выходкой, что она давно простила и забыла ее.

Создавшееся положеніе начинало причинять мнѣ глубокія страданія. Въдѣ я краду, какъ воръ, свое счастье,—за короткія и рѣдкія мгновенія я плачу долгими недѣлями разлуки, безконечныхъ терзаній... Зачѣмъ всѣ эти мученія и униженія, когда я могъ бы въдѣ внушить ей порвать все, бѣжать со мной!... Теперь я не остановился бы передъ необходимостью причинить горе Гильому, но... Усыпить ее снова и продиктовать ей новое рѣшеніе? Снова увидѣть страшное безжизненное лицо и одеревенѣлые, скованные катаlepsіей члены?.. Я не находилъ въ себѣ силъ для этого.

Таинственныя бездны, скрывающіяся за явленіями гипнотизма, всегда волновавшія меня, теперь держали мой умъ въ непре-

Избирательная кампанія въ Англіи.

Нынѣшняя избирательная кампанія въ Англіи велась съ исключительною страстностью. Партіи изоцрились въ изобрѣтательности. Заборы, стѣны домовъ пестрѣли яркими плакатами, на которыхъ въ краткихъ, чеканныхъ фразахъ были отпечатаны девизы партій иллюстрированные соответствующими рисунками.

Избирательная кампания в Англии.—
«Агитатор» — мальчик.

Английские партии во время нынешних выборов прибегали к чрезвычайно своеобразным приемам. На нашем рисунке изображен мальчик, который, разбрасывая по избирательному округу, размахивая германским хлебом, являющимся иллюстрацией к реформе тарифной системы.

рывной тревоги. Потребность заглянуть поглубже в ее душу, порабощенную моей волей, побуждала меня порой производить жестокие опыты. Однажды, в минуту прощания, я начал просить ее не уходить от меня, остаться еще, — стал на пороге открытой двери и загородил ей выход.

По лицу ее пробѣжала судорога, она ни слова не отвѣтила, не попросила пропустить ее, а просто прошла, рѣшительная и невозмутимая, как будто и не было препятствія на ее пути! Откуда взялась у нея эта геркулесовская сила? Опрокинула меня навзничь и даже не оглянулась, не замѣтила этого, — прошла и исчезла.

Въ другой разъ я отправился къ ней въ среду нѣсколько раньше 5 часовъ. Вышелъ обыкновенный визитъ «старого друга», еще недавно не пропускавшаго ни одной среды; мы сидѣли и болтали о разныхъ пустякахъ. Вдругъ она озабоченно поднялась, прервавъ на полусловъ нашу болтовню, позвонила, приказала вошедшей горничной подать ей жакетку и шляпку и только тогда обратилась снова ко мнѣ:

— Вы меня простите, другъ мой... Мнѣ необходимо уйти... Неотложное дѣло. До скорого свиданія, не правда-ли? Нѣтъ, нѣтъ, не провожайте меня, — мнѣ надо одной.

И торопливо оставила меня, чтобы отправиться ко мнѣ!...

Здоровье Жилеты слабѣло съ каждымъ днемъ. Со мной она бывала радостно возбуждена, весела и вся сіяла счастьемъ, но отъ среды до среды все больше и больше худѣла, блѣднѣла и слабѣла. Гильомъ съ тревогой жаловался мнѣ на то, какъ она груститъ безъ причины, сидитъ часто цѣлыми часами задумчивая, молчаливая, — пенялъ меня, что я не захожу почаще развлечь ее..

Однажды, передъ Рождествомъ, Гильомъ зашелъ ко мнѣ утромъ, необычайно взволнованный: состояніе Жилеты начало такъ тревожить его, что онъ обратился къ знаменитому доктору В*, и тотъ нашелъ у нея острую неврастенію.

Я боялся гораздо худшаго, и потому, успо-

ковшись самъ, поспѣшилъ успокоить и Гильома:

— Но вѣдь это пустяки! Неврастенію лечатъ и вылѣчиваютъ!

— Я знаю! Но вѣдь пилюли, вино, впрыскиванія, души—еще не главное, а главному она отказывается подчиниться! Докторъ настаиваетъ, что ей необходимо уѣхать мѣсяца на два на югъ, на берегъ моря—отдыхъ, прогулки, развлечения...

— Почему же она отказывается?

— Въ томъ то и дѣло, что она сама не можетъ объяснить, почему! Просто не можетъ уѣхать изъ Парижа—вотъ все, что она отвѣчаетъ. Докторъ видитъ и въ этомъ доказательство неврастенія. Но, Боже мой, что же мнѣ дѣлать. Она таеетъ съ каждымъ днемъ... Ее необходимо уговорить... Докторъ... не ручается за исходъ... если...

Какъ онъ рыдалъ!.. Да, да,—я долженъ ему помочь уговорить ее... Бѣдный Гильомъ могъ этого требовать отъ меня наивно, какъ отъ старого друга,—но я-то зналъ, какъ много я долженъ и какъ много... могу сдѣлать... Да, я переломлю свой страхъ передъ безжизненнымъ лицомъ — ради здоровья Жилеты... Но моя совѣсть ясно, отчетливо говоритъ мнѣ, что я долженъ ей сказать: «Кончено. Ты больше никогда не придешь. Ты свободна». Вотъ единственное несомнѣнное лѣкарство, единственные волшебныя слова...

Ихъ я не сказалъ. Предпочелъ свое счастье ея счастью. Моя страсть заговорила громче совѣсти.

— Ты пропустишь девять недѣль. Въ десятую среду, въ 5 часовъ, ты будешь здѣсь. И съ того дня будешь приходить ко мнѣ каждую среду, гдѣ бы я ни былъ, и все будетъ по-прежнему.

Такъ я исполнилъ свой долгъ. Это было у меня, 31-го декабря.

Въ тотъ же вечеръ Жилета изъявила согласіе на поѣздку къ своимъ родителямъ въ Сентъ-Рафаэль, и обрадованный Гильомъ, боясь, чтобы она опять не раздумала, рѣшилъ отпустить ее пока одну, такъ какъ самъ онъ могъ освободиться только около 15-го января. Жилета уѣхала въ самый день Нового года.

Все свободное время мы были неразлучны съ Гильомомъ. Для него это была первая разлука съ женой, и онъ тосковалъ такъ, что безъ меня буквально не находилъ себѣ мѣста... А я!.. Какъ рассказать, какіе ужасные, беспросвѣтные дни потянулись для меня? Я давно уже жилъ только по средамъ отъ 5 до 7, а теперь—словно гробовая крышка захлопнулась надъ моей головой. Что-то принесетъ мнѣ первая среда безъ нея?..

Первая среда пришлась на 7-е января.

Я буду кратокъ, г. прокуроръ.

Первая среда оказалась ужаснѣе всего, что я могъ измыслить во все беспросвѣтные дни и безсонныя ночи. Утромъ Гильомъ получилъ отъ меня спокойное и веселое письмо, а вечеромъ, часовъ въ 10, получила телеграмма отъ родныхъ: «Пріѣжайте немедленно». Даже Гильомъ, не жившій, какъ я, въ вѣчномъ ожиданіи трагедіи, уѣзжалъ съ страшнымъ предчувствіемъ, что не застанетъ Жилеты въ живыхъ.

Гильомъ уѣхалъ, а я принялся ждать вѣстей отъ него. Первая среда... приблизительно тѣ часы, которые она проводила у меня... Что, если я не сумѣю изгладить изъ ея души слѣдовъ своей долговременной власти надъ ней?.. Что съ ней?.. Нервный параличъ?.. Острое помѣшательство?.. Или въ сомнамбулическомъ состояніи попала подъ автомобиль, подъ поѣздъ?..

Въ 9 часовъ утра телеграмма:

«Все кончено. Гильомъ».

И только. Ни слова объясненія, ни одной подробности. И могъ-ли я спрашивать обез-

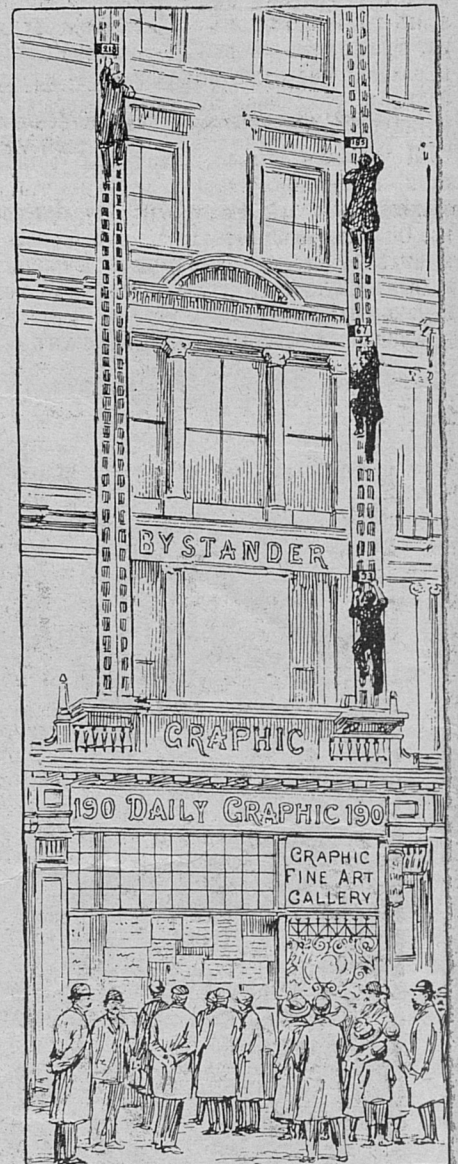
умѣвшаго отъ горя мужа?.. Жилеты нѣтъ. Жилеты нѣтъ, и я ее убилъ. Я, я убилъ ее.

Пытка возобновилась... Нѣтъ, теперь только началась пытка. Жилеты нѣтъ, и я убилъ ее.

Пріѣхалъ Гильомъ. Я узналъ, что Жилете внезапно постигъ аппендицитъ, что пришлось немедленно сдѣлать операцію, что она умерла подъ хлороформомъ, въ 2 часа ночи. Воспаленіе слѣпой кишки, хлороформъ, 2 часа ночи...

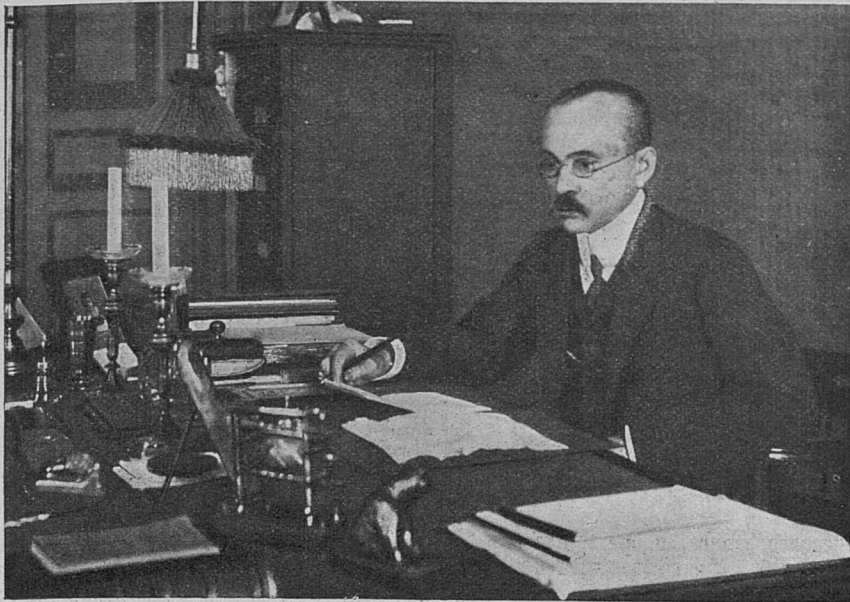
Все это должно было бы, казалось, облегчить мое сердце, мою совѣсть, мою безысходную тоску. Нѣтъ, что мнѣ весь этотъ вздоръ! Я знаю, что Жилеты нѣтъ и что я, я, я убилъ ее.

Только возвращаясь съ Монмартрскаго кладбища, я впервые подумалъ о самоубійствѣ. Это былъ первый свѣтлый лучъ въ томъ черномъ мракѣ ужаса, въ которомъ я метался, какъ въ агоніи, съ самаго момента ея смерти. Но съ этимъ надо было подождать: оставить обезумѣвшаго Гильома одного — это значило бы бѣжать съ поля чести, подло измѣнить долгу дружбы. Человѣкъ, передъ которымъ я былъ такъ тяжело

Къ выборной кампаніи въ Англии.

Ходъ выборной кампаніи въ Англии отмѣчается газетами и журналами не только въ текстѣ изданій. Толпа народа можетъ лично наблюдать за положеніемъ выборовъ у домовъ редакцій. Вотъ, на примѣръ, зданіе «Daily Graphic». Сооружены двѣ громадныя лѣстницы; по одной побѣдоносно поднимается автоматическая фигура уніониста, по другой взбираются либералы, націоналисты и рабочіе.

А. В. Коншин

Новый управляющий Государственным Банком А. В. Коншин за своим рабочим столом.

Специальный снимок для «Огонька».

виновать, имѣлъ на меня права большія, чѣмъ я самъ.

Я мужественно и самоотверженно боролся за разсудокъ, за жизнь и за здоровье Гильома. Я спасъ его, но отдалъ на эту борьбу послѣднія силы собственной души: у меня не осталось силъ даже умереть. Я не былъ способенъ на малѣйшій активный поступокъ. Я замуравилъ себя въ одной комнатѣ, какъ въ казематѣ, и сидѣлъ при запертыхъ окнахъ, безъ движенія, безъ дѣла,—кажется, безъ мысли,—пока меня, какъ звѣря, не выгонялъ оттуда нестерпимый голодъ или Гильомъ насильно не вырываетъ меня отсюда.

Не заподозрилъ-ли онъ чего-нибудь? Не знаю. Мнѣ было все равно. Я ненавидѣлъ и его за то, что онъ отрывалъ меня отъ общенія съ памятью Жильеты. Улыбка прохожаго раздражала меня, говоръ и смѣхъ толпы приводили меня въ ярость, уличный шумъ билъ меня по обнаженнымъ нервамъ, доводилъ меня до изступленія.

А Парижъ сверкалъ и трепеталъ блескомъ и веселымъ гуломъ карнавала...

Я попалъ на улицу, забывъ объ этомъ. Я метался въ толпѣ, какъ затравленный звѣрь, не зная, какъ выбраться, куда бѣжать отъ людей, отъ цвѣтовъ, отъ масокъ, отъ безудержнаго веселья, охватившаго все вокругъ. Я мечталъ о своемъ домѣ, какъ о гихой пристани, какъ о священной обители.

Въ полномъ изнеможеніи забрался домой. Едва переводя духъ, я вынулъ ключъ и началъ отпирать дверь, какъ вдругъ вспомнилъ: послѣдній день масленицы сегодня... среда... сегодня она должна была бы...

Я не успѣлъ договорить про себя свою мысль, какъ вдругъ весь похолодѣлъ, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, зубы у меня застучали, кровь застыла въ жилахъ... За мной по пятамъ шла по лѣстницѣ маска, которую я раньше замѣтилъ неподалеку отъ кладбища на авеню Рашель, среди разгульной толпы кривлякъ. Жуткимъ холодомъ на ме-

ня тогда пахнуло отъ этого дико-вырядившагося страннаго существа—я бѣжалъ отъ него. Теперь оно поднималось за мной въ полумракѣ еще не освѣщенной лѣстницы и... трупнымъ запахомъ повѣяло отъ него... Пьяный? Тога на немъ или грязный бурнусъ? Мужчина или женщина это ужасное существо?... Человѣкъ или призракъ?...

Оно подошло, пахнуло на меня зловоннымъ холодомъ, коснулось моей руки и... заговорило:

— Пойдемъ, пойдемъ... Скорѣй, любимой мой... Я опоздала... Люблю, люблю тебя... пойдемъ!...

Покойная Жильета увлекла меня въ комнату...

Когда я проснулся, или очнулся, я оттолкнулъ обнимавшій меня трупъ съ такой силой, что я слышалъ, какъ онъ опрокинулъ при паденіи стулъ... Я судорожно нащупывалъ во мракѣ выключатель, вспыхнулъ огонь... Какъ уплѣблѣлъ у меня разсудокъ!

Она поднялась, горлоливо оправляя складки своей странной тоги, и протягивала ко мнѣ руки...

Я не освободилъ ее при жизни отъ власти моихъ приказаній, и они какимъ-то тайнымъ закономъ сохранили свою силу надъ ней и за гробомъ... Она пришла. Въ десятую среду.

Усыпить ее теперь? Освободить ее... себя?... Ее... Боже мой! Но развѣ же это она, моя Жильета—это страшное существо, этотъ материализовавшійся призракъ?... Воспримчиво ли оно къ внушенію? Можно ли усыпить то, что спитъ вѣчнымъ сномъ?... И гдѣ возьму я силы погрузить взглядъ въ эти страшныя, черныя, зіяющія впадины?...

— Жильета...—началь я (о, какъ дико звучитъ это ласкательное имя въ примѣненіи къ этому страшному чудовищу!),—сядьте.. Я такъ давно васъ не видѣлъ... О,

нѣтъ, нѣтъ—не глядитесь въ зеркало! Заклиная васъ... Я запрещаю вамъ!

— Какъ это ужасно! Сознать себя жертвой, когда такъ любишь, такъ страдаешь, такъ...

— О, пощадите! Сжальтесь!..

— Что ты? Развѣ ты виновата? Я люблю тебя!.. Я хочу быть твоей, со всей страстью, со всѣмъ пыломъ, на который способна беззавѣтно любящая женщина, счастливая своей...

— Жильета... сядьте же... Я хочу посмотрѣть на васъ... Я такъ давно не видѣлъ васъ...

Нѣтъ, мнѣ не усыпить ее на разстояніи, однимъ взглядомъ! Нѣтъ въ немъ нужной энергіи, не собрать мнѣ всей силы воли... Неужели же... неужели придется коснуться колѣнями ея колѣнь, взять ея руки въ свои?!..

И въ тотъ моментъ, когда я готовъ былъ рѣшиться на эту пытку, послышался голосъ изъ передней:

— Что такое? Почему всѣ двери настежь! Какой ужасный смрадъ!... Да гдѣ же ты?...

Гильомъ! О, это будетъ картина! Вдовецъ застанетъ свою умершую жену въ интимной бесѣдѣ съ другомъ дома. Самъ сатана не придумалъ бы ничего эффектнѣе этого.

Трупъ смущенно и испуганно задвигался, вскочилъ, и спрятался за пологъ постели. Я быстро завернулъ электричество и вышелъ къ нему.

Я былъ изобрѣтателемъ. Я увлекъ его на улицу, взялъ первый попавшійся автомобиль, возилъ его, возилъ—въ Монружъ, въ Венсанъ, до изнеможенія. И въ 7 часовъ подъ какимъ-то правдоподобнымъ предлогомъ высадилъ его у подъезда его «избы» и вернулся одинъ домой.

Да, комната моя была пуста,—я заглянулъ и за пологъ... Но на свѣтломъ коврѣ явственно видны были грязныя, илестые слѣды, и въ комнатахъ повисъ тяжелый, смрадный трупный запахъ. Я открылъ окна и задумался. И думаю, думаю, думаю вотъ уже семеро сутокъ.

«Каждую среду, отъ 5 до 7... Гдѣ бы я ни былъ»...

И это будетъ длиться долгіе годы? Трупъ будетъ все больше и больше разлагается отъ среды до среды. Со-временемъ явится кучка кишащихъ червей, потомъ скелеты. Скелеты будутъ выпцвѣтывать все больше и больше. Потомъ будетъ горсточка пыли. Тогда ей уже придется явиться ко мнѣ въ могилу... Ну, конечно же, призракъ можетъ пережить меня.

И я допущу это кошмарное издѣвательство надъ смертью, не сдѣлавъ и попытки исправить то, что я натворилъ?

Да и какъ это будетъ потомъ, какъ пройдетъ она незамѣченной въ другіе разы, когда не будетъ карнавала, веселаго разгула и маскарада?

Этому надо положить конецъ. Да. Но мнѣ ее не усыпить, если даже это и мыслимо вообще. Мнѣ слишкомъ страшно. И, знаете-ли, еще что? Я не могъ бы больше ни видѣть ее, ни слышать ея голосъ, ни... О, нѣтъ, нѣтъ!

Среда сегодня. Она сейчасъ должна притти.

И потому я сейчасъ покончу съ собой. Я хочу покончить съ собой потому, что это единственное средство стать слѣпымъ и глухимъ, утратить осязаніе, обонаніе, вкусъ, память, способность мыслить, познавать...

И еще потому,—поймите меня хорошенько,—что я твердо надѣюсь, что съ уничтоженіемъ моей воли погибнетъ и та частица ея, которую я перелилъ въ тѣло Жильеты,—которая, пока она жива, обладаетъ страшной силой вдыхать негнѣнную душу въ

мертвую матерію, управлять ею, направлять ее.

Я это думаю. Я надѣюсь. Но я не увѣренъ. Не увѣренъ потому, что здѣсь я нагаливаюсь на тайныя глубины, не раскрытыя наукой. И все же я убью себя раньше половины пятого, раньше, чѣмъ она оживетъ тамъ,—раньше, чѣмъ подыметъ крыш...

Стучать? Стучать?! Какъ сильно... Кто? Кто можетъ такъ страшно стучаться?..

Боже мой, совсѣмъ темно! Который же часъ? Четыре! Вѣдь только четыре!

Но... что это?.. Боже всемогущій! Стрѣлки не двигаются!.. Часы... остановились... Стоять... на четырехъ...

О, какъ стучать... Дверь... замокъ трещитъ... Сейчас... сію секунду... Жильета!.. Одну секунду... Я отопру... Подождите!

Гдѣ же револьверъ?.. О, скорѣй, скорѣй!.. Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

каждымъ мигомъ, хотя знала, что его образъ и безъ того навѣки запечатлѣлся въ ея душѣ.

Подавшись впередъ, сложивъ на колѣняхъ руки съ переплетенными пальцами, она беззвучно шептала губами слова любви и ласки, обращенныя къ нему. И въ ослѣпленіи этой игры пламенная страсть ея разгоралась пожаромъ. Разъ, одинъ только разъ коснуться обожаемаго лица!.. Какой мучительной красотой сверкаетъ оно, залитое свѣтомъ лампы подъ краснымъ шелковымъ абажуромъ..

И какъ безумно она любитъ этотъ узенькій рубецъ на его лѣвой щекѣ!..

Она была ему благодарна, что онъ не поднималъ глазъ со своей книги. Но если бы она знала какая буря страсти хлопотала въ его груди, какихъ нечеловѣческихъ усилий воли, почти физическаго напряженія, стоило ему оставаться недвижно на привычномъ мѣстѣ, сдерживать дрожь въ рукахъ, не выдать себя выраженіемъ лица.

Она не подозрѣвала, чего ему стоило сдержаться,—не вскочить, не схватить и не привлечь къ себѣ молодую женщину, чувствуя все время, какъ ея дѣтскіе глаза съ наивнымъ восторгомъ ищутъ его глазъ.

Вдругъ онъ поднялъ голову. Глаза его перехватили ея полный истомы и самозабвенія взглядъ, рванулись и замерли въ страстномъ испугѣ. Взгляды ихъ нырнули на самое дно глазъ другого, словно порываясь выпить всю его душу. Изумленіе, вопросъ, сомнѣніе, восторгъ и счастье—горячей волной переливались, яркой искрой перебѣгали отъ нея къ нему, отъ него къ ней.

Словно повинувшись какой-то посторонней силѣ, не владея больше собой, онъ всталъ, машинально подошелъ къ ней и бурно обнялъ ее. Ликующимъ, стремительнымъ по-

ВЪ ЧАДУ.

Новелла Р. Раунау.

е одна ее пугала мысль о необходимости провести весь вечеръ съ нимъ на динѣ, и все же она не въ силахъ была оторвать глаза отъ его головы, сложенной на руку, и отъ ярко освѣщеннаго, чистаго, прекраснаго профиля.

Вначалѣ, это былъ просто восторгъ передъ его красотой, какою ей слу-

чалось испытывать подросткомъ, когда она останавливалась на улицѣ, какъ очарованная, при видѣ проходившей красивой женщины. Да, вначалѣ. Но теперь ей было ясно, что ее влечетъ къ нему, какъ къ мужчине, что его близость волнуетъ ее, томитъ мучительно и сладко.

Онъ все не поднималъ глазъ со своего

хирургическаго атласа, и она впиалась глазами въ его лобъ, словно жаждала прочесть за нимъ его мысли.

Осталось всего нѣсколько дней... Пройдутъ эти дни—и кончится странный, волшебный сонъ, сонъ о томъ, что онъ принадлежитъ ей и она ему. Черезъ нѣсколько дней приѣдетъ мужъ,—медицинскій конгрессъ не можетъ длиться вѣчно,—вернется къ своимъ больнымъ, временному замѣстителю его больше нечего будетъ дѣлать, и онъ оставитъ ихъ домъ.

Рукодѣліе не подвигалось; глухой клубокъ шерсти соскользнулъ съ колѣнъ и свернулся комочкомъ у ногъ, похожій на кисточку въ тѣни, отбрасываемой краснымъ абажуромъ на сафьяновое кресло. Она сидѣла въ краеномъ полумракѣ и не сводила глазъ съ его лица, жадно впивая въ себя каждую линію, каждую черточку, дорожа

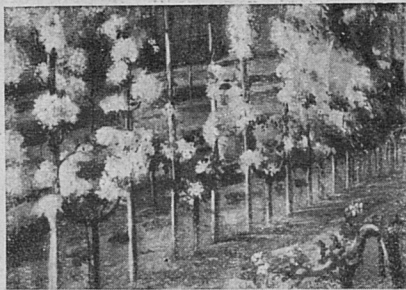
ВЫСТАВКА АКВАРЕЛЕЙ А. П. ШНЕЙДЕРЪ ВЪ ЗАЛАХЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ПОощРЕНІЯ ХУДОЖЕСТВЪ.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ»
К. К. Булла

А. П. Шнейдеръ.—«На склонахъ Ай-Цетри», акварель.

Аquarelli Александры Петровны Шнейдеръ посвящены преимущественно воспроизведенію цвѣтовъ, но даровитая художница не стуживаетъ своей задачи специальными рамками. Цвѣты ея не выхвачены изъ природы, не превращены въ «мертвую натуру», безжизненно позирующую для художника. Они, большею частью, слиты въ одно неразрывное цѣлое съ тѣмъ самымъ пейзажемъ, въ кото-

А. П. Шнейдеръ.—«Группы; формовый садъ», акварель.

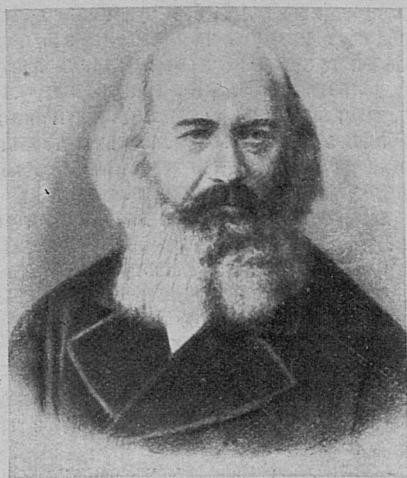
рой помѣстила ихъ приводящая все въ гармонію природа. Г-жа Шнейдеръ хорошо рисуетъ, старательно и любовно заканчиваетъ каждую вещь, подражаетъ яркости натурального колорита. Воспроизводимая ею флора разнообразна,—съверъ Россіи, Малороссіи, Донъ, Прага, Крымъ даютъ ей интересныя, со вкусомъ выбранныя цвѣточные мотивы, на которыхъ всегда съ удовольствіемъ останавливается глазъ зрителя. Нынѣшняя выставка въ Поощреніи художествъ обнимала около ста акварелей А. П. Шнейдеръ, дающихъ полное представленіе объ ея дарованіи.

Наряду съ воспроизводимыми нами акварелями обращаютъ на себя вниманіе «У окна хаты, въ Малороссіи», «Розы—краса Крыма», эффектные «Подсолнечники на берегу

А. П. Шнейдеръ.—«Цвѣтущій миндаль», акварель.

Дона», «Цвѣтенье розъ въ Ялтѣ», «Рододедронъ въ подмосковномъ» и мн. др. Интересны также «проекты комнаты, исполненной въ Мошногорскомъ имѣніи Е. А. Балашевой» и «платки», исполненные Прохоровскою Трехгорною мануфактурой въ Москвѣ. Наша художественная промышленность могла бы вообще съ успѣхомъ воспользоваться и многими другими мотивами г-жи Шнейдеръ.

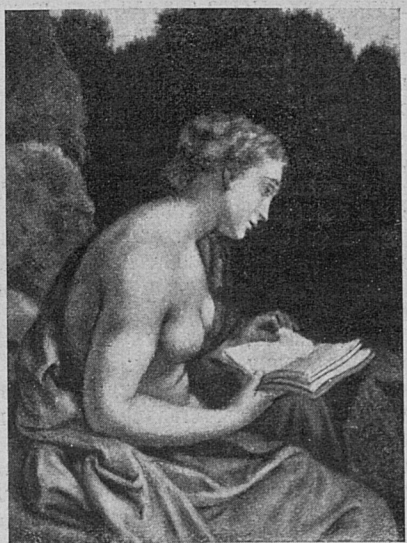
Сенаторъ Д. А. Ровинскій,
знаменитый историкъ русскаго искусства.

С. В. Колесниковъ.—«Осокаръ».

К. Я. Афанасьевъ—П. И. Уткинъ.
(Съ портрета Тропинина).

И. А. Берсенева.—«Магдалина».
(Съ картины Ванъ-деръ-Верфа).

В. Ивановъ.—«Ревекка наполеть раба
Авраамова».
(Съ картины К. Лотца)

Т. Г. Шевченко.—Вирсавія.
(Съ картины К. П. Брюллова).

Е. О. Скотниковъ.—«Луcreція».
(Съ картины Булона).

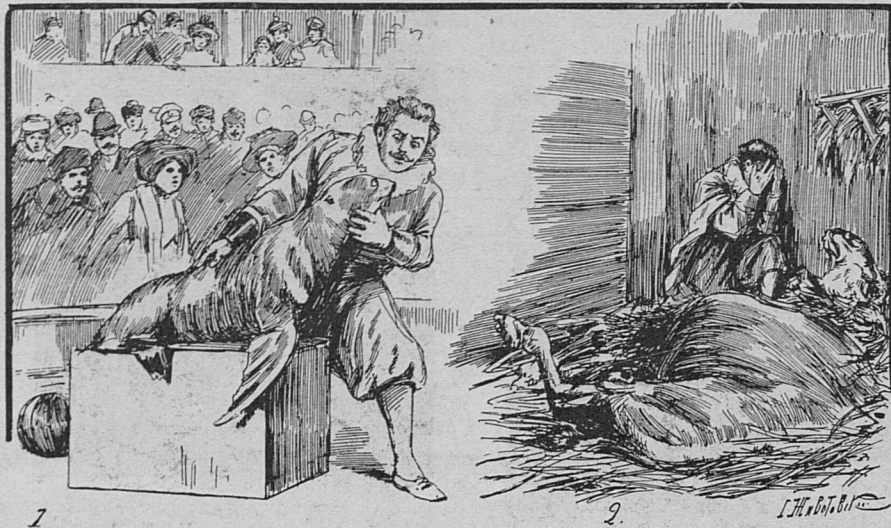
Г. Г. Шмидтъ.—Вакханка.

русскихъ гравировъ» котораго давно сталъ классическимъ трудомъ въ данной области,—и современнаго искусства Историческій отдѣлъ систематизированъ по періодамъ: время до-петровское, петровскій періодъ и періодъ академическій; множество интересныхъ, рѣдкихъ и даже рѣдчайшихъ листовъ Бейдемана, Боголюбова, Бруни, Брюлловыхъ, Васильева, Ге, Егорова, Иордана, Кипренскаго, Крамскога, Микѣшина, Уткина, Шевченки, Шишкина и др. Въ столь же изобильномъ отдѣлѣ современнаго искусства выдѣляются работы Бродскаго, Бучкина, Горбатова Жаба, Зарина, Измайловича, Каррика, С. Колесникова. Катъ Коль-

Профессоръ Бруно Эру.—Среди злаковъ.
виць, Матъ, Рубо, Самокина, Шмидта, Щербова, Эру и мн. др. Любопытны два типографскихъ стайка, печатающихъ на глазахъ у посѣтителей выставки—гравюры по дереву (гравюра выпуклая) и офорты съ углубленной гравюры на металлѣ.

Устроенная по инициативѣ бібліотекаря Академіи Художествъ Г. Ф. Беренштама и проф. В. В. Матъ обширная выставка рисунковъ и эстамповъ распадается на два отдѣла: ретроспективный,—посвященный памяти сенатора Д. А. Ровинскаго, «Словарь

Закулисная месь.

Въ Новомъ циркѣ въ С.-Петербургѣ 10 января разыгрался трагичный эпизодъ. Шель спектакль съ участіемъ В. Дурова. Клоунъ-дрессировщикъ (1) на аренѣ убѣдился, что его любимецъ морской левъ внезапно заболѣлъ. Послѣ

спектакля (2) уже за кулисами Дуровъ расплакался около издыхающаго отъ той же загадочной болѣзни верблюда, дружно работавшаго съ хозяиномъ 11 лѣтъ.

токомъ хлынули слова нѣжности и страсти изъ устъ мужчины на тоненькую, какъ у дѣвочки, фигуру женщины, почти утонувшую въ его объятіяхъ.

— Дорогая, единственная!.. Любишь?.. Любишь!.. Моя!.. О, я не въ силахъ дольше выносить эту муку... Будь моею! Съ перваго часа, съ перваго мгновенья я полюбилъ тебя... Какъ безумный, любить... Никого для меня нѣтъ больше на цѣломъ мірѣ... Ты одна... ты одна!

Она грѣмче прильнула къ нему, трепеть ея гибкаго тѣла сообщился ему, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ,—еще страстиѣе, не удержимѣе полился потокъ несвязныхъ, вкрадчивыхъ рѣчей, и, какъ въ сладкомъ полуснѣ, она съ закрытыми глазами отдавалась ихъ нѣжащимъ волнамъ.

Страстная мольба была въ его горячемъ дыханіи, страстной мольбой звучали горячія рѣчи.

— Будь моею, дорогая... Я люблю тебя! Никогда никого не любилъ я такъ... Я унесу тебя отсюда! Ты будешь моею, со мной, навсегда, навѣки!

Какъ сквозь сонъ доносится до нея его хриплый, сдавленный шопотъ:

— Дорогая... Я измучился... сжался надъ мной!

Не понявъ смысла этихъ словъ, она подняла глаза на него и содрогнулась. Всегда такіе ясные и открытые, глаза его были теперь какъ будто затуманены, какъ будто заволокутны спутанной сѣтью паутины. Ей уже было знакомо это выраженіе: часто ей случалось ловить на себѣ этотъ мерцающій, затуманенный взглядъ, и, какъ всегда, онъ и на этотъ разъ отзывался въ ней знакомой болью и дрожью,—что-то встрепенулось во всемъ ея существѣ, росло и ширилось...

Никогда ни одинъ мужчина не пробуждалъ въ ней этого страннаго, остраго и сладкаго чувства.

А голосъ его, словно откуда-то издали, звучалъ все той же жаркой и страстной мольбой:

— Вѣдь я люблю тебя... И ты любишь... Мы молодые, я мужчина, ты женщина... Сжался, дорогая!.. Будь моею... сегодня же!

Забывая слезѣло. Она отшатнулась, словно отъ удара хлыста, рванулась отъ него и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ снова обнять ее,

убѣжала, — бѣжала, страшась его и своей любви.

Не сознавая, что дѣлаетъ, она заперла на ключъ дверь своей комнаты, бросилась на колѣни у своей постели и, закрывъ лицо руками, зарывшись въ подушки, долго-долго плакала.

Проходили часы. Наконецъ, она поднялась, нѣсколько успокоенная, и въ молитвенномъ порывѣ прошептала про себя:

«Прости, милый! Чистой хочу я притти къ тебѣ, свободной отъ прошлаго. Гордой и чистой. Не надо грѣха, не будемъ красть, какъ воры, то, что составляетъ наше великое, божественное право».

И, сѣвъ за столикъ, она дрожащей рукой взялась за письмо къ мужу, которое онъ найдетъ по пріѣздѣ и въ которомъ она честно выскажетъ все.

«Я покидаю твой домъ, чтобы стать женой другого. Прости меня за всѣ неприятности и неудобства, и ненавистные тебѣ пересуды, которые повлечетъ за собой для тебя мое рѣшеніе. Но я не въ правѣ больше думать объ этомъ. Благодарю тебя за все доброе, что ты далъ мнѣ, благодарю и за то, что ты, въ сущности, никогда не любилъ меня. Я могу унести такимъ образомъ сознаніе, что мой уходъ причинитъ тебѣ, правда, неприятность и досаду, но не причинитъ горя. Будемъ признательны судьбѣ за то, что она не дала намъ дѣтей. Я такъ страстно жаждала уйти и снова начать жизнь сначала, что меня не удержала бы и разлука съ дѣтьми. Заранѣе изъявляю полное согласіе на все, что бы тебѣ ни понадобилось предпринять для расторженія нашего брака. Не щади меня. Желаю и тебѣ извѣдать когда-нибудь счастье. Быть можетъ, тогда тебѣ станетъ понятно, отч...»

Внезапный рѣзкій звонокъ испугалъ ее такъ, что она, вздрогнувъ, рванула перомъ бумагу и вскочила.

По привычному чувству долга, она машинально открыла форточку и разспросила посыльнаго о больномъ, къ которому звали среди ночи врача. Такъ же привычно машинально направилась къ комнатѣ горничной и позвала ее. Дѣвушка не откликнулась. Она вошла, чтобы разбудить ее, но еще у порога замѣтила, что ея постель не тронута и даже не приготовлена на ночь. На убранной по дневному кровати блеснуло при свѣтѣ луны по-

верхъ краснаго одѣяла бѣлое покрывало съ наивной вышитой надписью по тюлю: «Добро пожаловать».

Обыкновенно, когда ей случалось заходить сюда, она не могла безъ улыбки видѣть эту забавную надпись на постели; это подаренное ей покрывало было прежде полосой для обѣденнаго стола. Но теперь, погруженная въ свои мысли и оторванная неистовымъ звонкомъ отъ письма, она была только раздосадована тѣмъ, что вѣтреница снова тайкомъ убѣжала потанцовать.

А впрочемъ, что ей за дѣло до этого сегодня? Досадно только, что ей, въ такомъ случаѣ, самой придется постучаться къ нему въ дверь, чтобы разбудить его и позвать къ больному. Но, можетъ быть, онъ не замѣтитъ, что голосъ ея, а не горничной.

Чуть слышно съ улыбкой на губахъ, прошла она коридоромъ до двери его комнаты. Сердце ея стучало почти такъ же громко, какъ палець о дверь.

— Доктора просятъ къ больному...

— Сю минуту, бар...

Голосъ горничной! Голосъ ея горничной изъ-за двери его комнаты... Спросонкомъ, не сообразивъ впопыхахъ, она торопливо откликнулась на голосъ барыни и осѣклась: очевидно, ей быстро зажали ротъ рукой...

Мучительно, безконечно долгая секунда, въ теченіе которой ей казалось, что сердце въ ней остановилось. Потомъ все внутри ея похолодѣло.

— Иду сейчасъ. Пусть посыльный подождетъ.

Это былъ его голосъ,—неестественно чужой и неестественно спокойный.

Какъ она дошла черезъ весь длинный коридоръ до своей комнаты, она не помнила и впоследствии никогда не могла припомнить.

Она слышала, какъ онъ что-то сказалъ черезъ форточку человѣку; слышала, какъ онъ уходилъ, когда вернулся; и все время, не шевельнувшись, стояла въ одной и той же позѣ, прислонившись къ спинкѣ кровати, безслышно уронивъ вдоль тѣла руки и глядя мертвыми глазами въ ночную мглу.

Если бы только прошелъ этотъ ужасный ознобъ, сковавшій ея душу! Другой мысли у нея не было въ головѣ.

Вдругъ взгляды ея упали на недоконченное письмо. Лицо ея искажилось презрѣніемъ и отвращеніемъ. Зябко ежась, она подошла къ столику, взяла исписанный листокъ и поднесла его къ догоравшей свѣчѣ. Бумага вспыхнула,—и нервически-судорожный, но спасительный смѣхъ потрясъ все ея тѣло.

* * *

На другой день, едва взглянувъ на ея лицо, онъ понялъ, что потерялъ ее безвозвратно. Она заговорила съ нимъ спокойно-любезно, почти дружелюбно, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ ея лицѣ, ни одно невѣрное движеніе поблѣднѣвшихъ губъ не выдавало того, что она пережила въ эту ночь, развѣявшую все, что еще оставалось дѣтскаго въ ея душѣ. Передъ нимъ сидѣла женщина, полная сознанія своего достоинства и увѣренности въ себѣ.

Онъ имѣлъ безтактность сказать ей:

— Простите меня!

Она оглядѣла его съ спокойнымъ недоумѣніемъ.

Онъ собирался ей сказать, что онъ ее одну видѣлъ, ее одну любилъ въ лицѣ той дѣвушки, которая явилась къ нему подъ какимъ-то предлогомъ и наивно-грубымъ ухаживаніемъ заставила его забыть на мигъ; что это была простая слабость, простительная со стороны молодого мужчины, изнемогающаго отъ страсти, съ которой боролся долгія недѣли...

Но подъ ея спокойнымъ и холоднымъ

взглядомъ всѣ эти жалкія объясненія замерли на его губахъ.

Въ тотъ же день онъ написалъ уважаемому коллегѣ, прося его сократить свою отлучку, такъ какъ онъ «по семейнымъ обстоятельствамъ» не можетъ дольше замѣщать его.

— Ты осунулась, дитя мое! Одиночество, видно, не пошло тебѣ впрокъ?

Съ истерическими рыданіями она бросилась на грудь мужа.

— Не уѣзжай больше! Не оставляй меня одну! Если бы ты зналъ, какъ я боюсь жизни, людей и мужчинъ...

— Людей и мужчинъ?—весело засмѣялся онъ, польщенный тѣмъ, что ей такъ его недоставало.—Развѣ мужчины не люди? А что же мы такое?

— Животныя!..

— О, да моя маленькая женка философствовать научилась! Въ такой долгой разлукѣ съ тобой въ самомъ дѣлѣ можно было стать животнымъ. Поцѣлуй же меня и сдѣлай меня вновь человекомъ.

И онъ прижалъ ее къ груди, не замѣчая, что она въ глубокой тоскѣ склонила голову, отодвигаясь отъ его лица.

— Что же съ тобой? Случилось что-нибудь?

— Сивилла отправилась на озеро добрыхъ три часа тому назадъ,—и ей нѣтъ до сихъ поръ.

— Она хотѣла на лодкѣ покататься?

— Да. Она часто забирается въ камыши, нарвать кувшинокъ.

— Но какъ же въ такой вѣтеръ? Ужасное легкомысліе... Какъ ты это допустилъ?

— Не подумалъ какъ-то..

— Предпринялъ ты что-нибудь?

— Былъ тамъ. Не видно ни ея, ни лодки. Самъ я что же могу на чужомъ берегу? У меня нѣтъ ни лодокъ, ни людей. Но Кутге все поставилъ на ноги. Обыскали камыши, кричали, окликали... Озеро такое бурное сегодня, вѣтеръ реветъ... Только что прибѣжалъ домой, надѣялся, что Сивилла вернулась другой дорогой, нѣтъ...

Кутге былъ нашъ общій добрый знакомый, владѣлецъ сосѣдняго имѣнія Трутовъ; ему же принадлежало и озеро.

— Да, можетъ быть, она совѣмъ не на озеро отправилась, а къ сосѣдямъ куда-нибудь или погулять?

— Нѣтъ, она прямо сказала горничной, что принесетъ свѣжихъ кувшинокъ, и приказала налить воды въ вазы. И кучеръ ее отвезъ къ самому берегу,—какъ всегда, до песчаныхъ дюнь: медленная ѣзда ее утомляетъ, и оттуда она всегда доходитъ до камышей пѣшкомъ.

— Взяла-ли она съ собою гребца?

— Нѣтъ, она никогда не беретъ, ей это портитъ удовольствие. Она любитъ отдаваться на волю волнъ.

— Тогда ее просто, значить, отнесло вѣтромъ къ другому берегу!—поспѣшилъ я сказать самымъ спокойнымъ тономъ, но про себя невольно подумалъ: хорошо, что у нихъ хоть дѣтей нѣтъ...

СМЕРТЬ СИВИЛЛЫ БАРЕНТИНЪ.

Разсказъ Рудольфа Штраца.

Смерть моей кузины Сивиллы Барентинъ не имѣла сама по себѣ ничего особеннаго, но обстоятельства, обнаружившіяся потомъ, вызвали столько толковъ, что вокругъ этого событія начинаютъ сплетаться самыя фантастическія легенды. Въ виду этого я хочу разсказать ея драму,

какъ она разыгралась, съ полной правдивостью.

Помню, какъ сейчасъ, тотъ холодный и бурный октябрьскій вечеръ, когда мнѣ пришлось поѣхать по дѣлу къ своему кузену Барентину въ его имѣніе Гленцигъ.

Ѣхалъ я съ очень слабой надеждой застать его дома. Непосѣдливый, неугомонно дѣятельный, онъ органически неспособенъ былъ прожить и одного часа безъ дѣла и увлеченія. Агрономъ по образованію, онъ страстно любилъ сельское хозяйство, горячо увлекался политикой и былъ неутомимымъ охотникомъ. Такимъ образомъ, онъ почти не жилъ дома, и если не уѣзжалъ на собраніе сельско-хозяйственнаго общества или въ городъ къ земскому, то цѣлые дни бродилъ съ ружьемъ.

Я былъ очень радъ, когда, въѣхавъ во дворъ, увидѣлъ освѣщенныя окна его кабинета и его самого, шагающаго взадъ и впередъ по комнатѣ. Но едва я заговорилъ о дѣлѣ, онъ перебилъ меня:

— Прости... не могу сосредоточиться, при всемъ желаніи... Я очень взволнованъ...

ВЫСТАВКА I-го ДАМСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО КРУЖКА ВЪ ЗАЛАХЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ПОЩРЕНІЯ ХУДОЖЕСТВЪ, ВЪ СПБ.

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» К. К. Булла

М. А. Федорова.—Этюдъ масляными красками.

Въ нынѣшнемъ году выставка I-го Дамскаго художественнаго кружка обнимаетъ болѣе шестисотъ экспонатовъ. Въ отдѣлѣ чистаго искусства выставили картины масляными красками, акварели, пастели и скульптуру г-жи Клеверъ, Бульмерингъ-Короленко, Саксъ, Дукэ-Сабо, бар. Розенъ, Степанова, Держковская, Форетъ, Адамовичъ, Львова, кн.

В. Ф. Граве.—«Портретъ баронессы В.»

Горчакова, Мейзе, Неронова, Потемкина, Шацкая-Пузыревская, Зарудная-Кавось, Штейнгардтъ, Рафоловичъ, Табулевичъ-Павлова, Бухъ, Брикнеръ, Лорисъ-Меликова, Натерская, Никольская, Романовская, Стасъева-Кашкадамова, гр. Толстая, Мартенсъ, Краурль, Граве, кн. Гагарина, Костромина, Дитрихъ, М. А. Федорова, Блашке, Бразоль,

М. А. Федорова.—Этюдъ масляными красками.

Бруни, Пиндеманъ, Келеръ-Ниссенъ. Въ отдѣлѣ прикладнаго искусства, къ которому примыкаютъ работы швейцарскихъ и финляндскихъ художницъ, участвуетъ еще болѣе экспонатовъ, сумѣвшихъ придать своему труду отпечатокъ художественности и изящнаго вкуса.

„Маскотта“ для дѣтей и въ исполненіи дѣтей.

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» К. К. Булла

Оригинальный спектакль съ благотворительной цѣлью устроила 10-го января въ театрѣ «Буффъ», въ Петербургѣ, супруга гофмейстера А. В. Бельгарда г-жа С. П. Бельгардъ. Дѣтская труппа Чистякова исполни-

ла популярную «Маскотту» — «Красное Солнышко». Оперетта сохранила свои красивые и легкія мелодіи, но на этотъ разъ была свободна отъ фривольности и скабрёзности. Маленькая публика, переполненная залъ, оста-

лась очень довольна спектаклемъ. При извѣстной филтровка, и оперетка могла бы сыграть роль въ музыкальномъ развитіи дѣтей, плѣняя ихъ доступностью и прелестью мотивовъ.

— Пойдемъ опять туда, что-ли... Силъ нѣтъ оставаться здѣсь въ бездѣйствіи.

Вѣтеръ вылъ и ревѣлъ, какъ звѣрь, разрывая низко нависшія тучи. Моментами, сквозь прорванную пелену проглядывала луна, и тогда передъ нами сверкала огромный просторъ Трутовскаго озера, казавшагося при этомъ тускломъ свѣтѣ безбрежнымъ, какъ море, съ высокими, бурлящими бѣлой пѣной, гребнями волнъ. Жуткій видъ...

Не довѣжая до берега, Клаусъ Барентинъ вдругъ остановилъ лошадь и окликнулъ кого-то:

— Лабіанъ, это вы? Что вы тутъ дѣлаете ночью?

— Ничего,—просто брожу.

Это былъ управляющій ротмистра Кутге, урюмый и чудаковатый старикъ, котораго Кутге держалъ только потому, что онъ служилъ еще у его оца и дѣда, хотя ужасно не ладилъ съ нимъ.

— Просто бродите... Вы могли бы, кажется, съ большимъ участіемъ отнестись къ тому, что моя жена исчезла...

Старикъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ что-то возразить, но промолчалъ, и потомъ медленно проговорилъ, глядя на озеро:

— Ничего до сихъ поръ не удалось, сколько ни искали и кричали. Съ радостью сообщилъ бы вамъ болѣе добрыя вѣсти.

Это прозвучало такимъ искреннимъ участіемъ, что Клаусъ носѣвшиль извиниться.—и мы уѣхали.

На берегу стояла толпа рыбаковъ и рабчихъ съ фонарями, уныло глядя на кипящую черную пучину. Смѣшно было бы ублаживать себя надеждой, что лодку пришло къ другому берегу.

Кутге также былъ тутъ. Онъ сталъ нашимъ сосѣдомъ недавно, всего года два. До тѣхъ поръ онъ жилъ всегда въ городѣ и по-

селся безвыѣздно въ имѣніи только послѣ того, какъ развелся съ женой и вышелъ въ отставку. Бракъ его сложился крайне несчастливо и, повидному, по винѣ одной жены,—а разводъ такъ глубоко потрясъ его, что, не особенно сообщительный отъ природы, онъ съ тѣхъ поръ совсѣмъ замкнулся въ себѣ. Но къ несчастью Клауса онъ отнесся съ самымъ горячимъ участіемъ, и мы всѣ до глубокой ночи простояли на берегу, а Кутге остался и потомъ, когда мнѣ пришлось уѣхать домой. Дома должны же были беспокоиться, что меня такъ поздно нѣтъ, а полезнымъ я тутъ покуда все равно не могъ быть.

Но на другой день, чуть свѣтъ, я снова поѣхалъ въ Гленцигъ. Поиски продолжались всю ночь и безъ всякаго результата. Печальная нѣмая вѣсть пришла уже при мнѣ: къ берегу пришло лодку, на которой выѣхала Свилла... Конецъ всѣмъ надеждамъ... Къ вечеру, когда мы привезли Клауса домой, явился еще парень съ находкой: съ измятымъ комкомъ соломы, въ которомъ горничная узнала шляпку, бывшую вчера на барышѣ.—и больше никакихъ вѣстей.

Тѣла найти не удалось: Трутовское озеро почти никогда не возвращало своихъ жертвъ. А вскорѣ наступила зима, озеро примерзло, надъ нимъ разостлалась снѣжная пелена... Конецъ!

Въ долгіе, страшные зимніе вечера, потянувшіеся для Клауса, я часто заѣзжалъ къ нему. Самъ я не рѣшался нарушать его одиночество, но онъ посылалъ за мной. Съ его потребностью и привычкой къ энергичной дѣятельности и живому общенію съ людьми, онъ не въ силахъ былъ выносить одиночество. Кромѣ того, его мучила болѣзненная потребность говорить о покойной. Неотвязно, неустанно, день и ночь онъ думалъ о ней, такъ непрерывно, какъ никогда при жизни ея,—и я видѣлъ, что перебирая въ памяти

минуту за минутой всю ихъ совмѣстную жизнь, онъ иногда съ ужасомъ и мукой раскаянія останавливался на мысли, что ея смерть была, быть можетъ, не несчастной случайностью, а самоубійствомъ.

По крайней мѣрѣ, у меня мелькала такая мысль, хотя прямыхъ основаній для этого совершенно не было. Но кто проникнетъ въ интимныя глубины семейныхъ отношеній? Слишкомъ—непостижимо, неизвѣрно было, разбить и растерять этотъ сильный, энергичный и жизнерадостный сангвиникъ...

Это былъ буквально живой трупъ,—и говорилъ онъ (хотя говорилъ о ней часами, безъ умолку), тяжело, какъ во снѣ, съ трудомъ выжимая изъ себя слова и неподвижно глядя въ пространство.

Разъ я рѣшился его спросить, были-ли они счастливы въ бракѣ? Онъ помолчалъ, потомъ заговорилъ медленно, съ разстановкой.

— Несчастливы мы не были. У насъ никогда не бывало размолвокъ, сценъ, слезъ. Но... это еще не значитъ, что мы были счастливы...

— Какъ-же такъ? Не понимаю! Одно изъ двухъ...

— Иногда... счастье совсѣмъ близко... а его не видишь... Или поздно увидишь. Такъ было со мной. Около меня жило сердце, полное любви, полное довѣрія, надеждъ, снисходительной доброты ко всѣмъ моимъ недостаткамъ... Сдержана она только была... не умѣла легко отдаваться... Надо было добывать изъ нея ея лучшіе чувства и порывы,—мягкой, пѣжной, какъ она сама, рукой,—иначе она уходила въ себя, притихала и задумывалась и на все отвѣчала одной загадочной улыбкой... Ахъ, я вѣдь зналъ все это!

Онъ вскочилъ и тоскливо заметался по комнатамъ

— Куда только я не бросался, чѣмъ не

НОВЫЙ РЕКОРДЪ АВИАЦИИ.

Авиаторъ Поланъ на высотѣ
1,500 метровъ.

Во время состязанія въ Лосъ-Ангелосъ (Калифорнiя) французскимъ авиаторомъ Поланомъ, поднявшимся на высоту 1,500 метровъ, побитъ всемирный рекордъ въ 1,050 метровъ, установленный Латамомъ.

интересовался въ жадной погонѣ за дѣломъ, людьми, впечатлѣнiями! А она цѣлые дни и вечера оставалась дома одна, одинокая... До нея одной миѣ не было дѣла, для нея одной не хватало времени! Единственного друга, истиннаго, безкорыстнаго, — ея я не замѣчалъ! О, я любилъ ее! Дороже жизни она была миѣ... Но, Боже мой, чѣмъ я доказалъ это! Какъ она могла знать, какъ дорога она миѣ!

Онъ бессильно опустился на стулъ, уронилъ голову на руки и зарыдалъ такъ, что все его крупное и сильное тѣло дрожало.

— Изъ-за меня она погибла! И никогда ни слова жалобы... Всегда молчала, — сдержанная, гордая. Только тихо улыбалась про себя... О, какъ я понимаю теперь эту улыбку! Капризами я объяснялъ это тогда... Сколько она выстрадала, Боже мой!

Онъ поднималъ блѣдное, страдальческое лицо и долго, напряженно смотрѣлъ миѣ въ глаза.

— Ты тоже это думаешь? Да, это возможно, страшно возможно!.. Не знаю, какъ не помѣшался я въ ту ночь, когда это въ первый разъ пришло миѣ въ голову. И это доведеть меня до помѣшательства.

Правду знало одно озеро, но оно ревниво берегло ее.

Отчаянiе и тоска Клауса росли съ каждымъ днемъ, такъ что у насъ съ Кугге дѣйствительно являлось опасенiе за его разумъ. Это былъ какой-то культъ горя. Имѣнiе, дѣла — все было въ полномъ забросѣ; кромѣ меня и Кугге, онъ не хотѣлъ видѣть ни души, почти совсѣмъ не спалъ и не ѣлъ, цѣлые дни бродилъ по берегу озера или стоялъ, неподвижно уставясь въ таинственную темную глубь, а остальное время сидѣлъ, запершись у себя или въ комнатѣ Сивиллы.

Однажды я возвращался отъ Кугге, разстроенный тѣмъ, что миѣ не удалось поговорить съ нимъ, посоветоваться о здоровьѣ Клауса (я засталъ его въ страшномъ раздраженiи на старика-управляющаго, который началъ пить и дѣйствительно сталъ совершенно невозможнымъ), какъ вдругъ меня кто-то окликнулъ съ озера.

Это былъ мало знакомый берлинецъ, арендовавшiй охоту по сосѣдству, — но трагедiей Барентина интересовались и знакомые, и незнакомые.

Я привыкъ отвѣчать на разспросы коротко и однообразно, рассчитывая отдѣлать-

ся и отъ этого Вернике краткимъ заявленiемъ, что новаго до сихъ поръ ничего неизвѣстно, но онъ ошеломилъ меня новымъ вопросомъ:

— Какъ же такъ все-таки? Развѣ тотъ господинъ тоже утонулъ?

— Какой господинъ?

— Да тотъ, съ которымъ г-жа Барентинъ была въ лодкѣ.

— Не понимаю... О комъ вы говорите?

— Почему же я знаю, кто онъ былъ?

— Кто же вамъ наплелъ эту чепуху?

— Почему вы думаете «наплелъ»? И какаѣ же «чепуха»? Я самъ видѣлъ, своими глазами, — изъ лодки, изъ-за камышей. 19-го октября это было. Я тогда какъ разъ на утокъ выѣхалъ съ тѣмъ поръ вотъ сегодня въ первый разъ...

— Что же вы, собственно, видѣли?

— Какъ «что»? Самую г-жу Барентинъ! Она прошла берегомъ прямо около меня. Я даже испугался, не спугнула бы она моихъ утокъ, и думаю...

— Дальше... дальше, пожалуйста!

— Ну, что же дальше? Потомъ смотрю, господинъ съ ней... за камышами, вѣрно, ждалъ ее... Только далеко ужъ они были, лицъ не видно было. Потомъ отвязали лодку, съѣли вмѣстѣ и выѣхали на середину озера. Больше ничего не знаю!

— Послушайте, г. Вернике, вы совершенно увѣрены, что не ошиблись?

— Что вы, баронъ! Я еще, помню, дома рассказывалъ женѣ и удивлялся, какъ господинъ этотъ рѣшился повезти даму въ такую бурю...

— Ни одна живая душа, кромѣ васъ, не видѣла его!

— Какъ?! Развѣ онъ не явился?

— Никому ничего о немъ не извѣстно!

Вернике помолчалъ, видимо озадаченный.

— Что же это, Господи... Не утопилъ же онъ ее?!

Послѣ перваго испуга, я сообразилъ всю нелѣпность этого подозрѣнiя: лодку прибило къ берегу вверхъ дномъ... Если Вернике, вообще, не напуталъ, — значитъ, озеро хранитъ тайну не одной, а двухъ жизней. Вопросъ въ

Новый театръ „Сказка“ въ С.-Петербурѣ.

Оригинальный рисунокъ для журнала „Огонекъ“ художника С. Кiевскаго.

1) Театральный залъ. 2) «Сказка», пьеса Немеовскаго.

Лиценцианъ, герой «Сказки» известнаго польскаго писателя Немеовскаго, спускается на дно колодца жизни, чтобы разрѣшить проклятые вопросы. Но подкрадывающаяся Молодость и Счастье охватываютъ его объятьемъ страсти и любви. Молодость зажимаетъ лаской его ротъ... Онъ готовъ забыться. Но Жизнь, немолчаливый образъ которой рисуется въ видѣ цеслоина-кузнеца, отнимаетъ его изъ объ-

ятiй голубого Счастья и Молодости Жизнь тянетъ его за собой. Лиценцианъ карабкается на ея поводу, падаетъ, кричитъ, послушнымъ рабомъ тащится по ущельямъ и утесамъ... Тогда приходитъ блѣлая женщина съ косой... Счастье и Молодость, не зная тайны ея имени, молятъ ее спасти Человѣка... Но это — Смерть. Такъ успокоился Человѣкъ!

Президиум совѣщанія еврейскихъ общественныхъ дѣятелей въ г. Ковнѣ.
Со снимка фотогр. Г. Шерля.

томъ только,—несчастье это было, или оба искали смерти добровольно? И кто онъ былъ? Кто могъ быть этотъ таинственный, невѣдомый господинъ?

Не изъ нашихъ мѣсть: мы не могли бы не знать, если бы кто-нибудь исчезъ. Какой-нибудь берлинскій знакомый? Сивилла часто ѣздила въ Берлинъ—за покунками, какъ всѣ наши дамы, и просто погостить на денекъ у родныхъ: она такъ ужасно скучала. Но, Боже мой, это такъ не вяжется съ образомъ одинокой, гордой и замкнутой, безупречной Сивиллы!

Я разсудилъ, что говорить объ этомъ Клаусу было бы бесполезной жестокостью. Потрясти измученную душу новой страшной загадкой, когда я не знаю даже въ какой мѣрѣ можно довѣрять словамъ какого-то Вернике! Но услужливый Вернике самъ написалъ объ этомъ Клаусу...

Мнѣ и теперь жутко вспомнить, что сдѣлалось съ Клаусомъ съ этого момента. Это былъ сущій кошмаръ. Онъ словно вторично потерялъ жену и еще безповоротнѣе, трагичнѣе.

Онъ бросился въ Берлинъ, говорилъ лично съ Вернике, наводилъ справки о немъ и узналъ, что онъ очень почтенный и уважаемый въ своемъ кругу человекъ. Вернулся и заперся въ комнатѣ Сивиллы и цѣлые дни и ночи, какъ сыщикъ, какъ безумный, разсматривалъ и изслѣдовалъ каждую вещь въ ея комнатѣ, стараясь выпытать у нихъ страшную тайну.

Однажды онъ послалъ за мной и съ безумнымъ смѣхомъ показалъ мнѣ тетрадь ея дневника. Она два года вела дневникъ, Клаусъ былъ такъ доволенъ, что она придумала себѣ это развлеченіе... Теперь въ тетради было нѣсколько бѣлыхъ страницъ, все испсанное было вырвано. Онъ открылъ дверцу печки и показалъ мнѣ горку сожженной бумаги...

— Утромъ, 19-го октября въ послѣдній разъ топилась эта печь... Она, значить, передъ самымъ уходомъ вырвала листки дневника и сожгла ихъ на горячихъ еще угольяхъ... чтобы не дать заглянуть въ ея душу послѣ смерти... Она знала, знала, что умереть въ тотъ день...

Голова у меня шла кругомъ, когда я вернулся домой. Но въ этотъ день мнѣ было суждено пережить еще одно потрясеніе...

Дома ждалъ меня старикъ Лабанъ, явившійся съ новостью, которую еще труднѣе было осмыслить, кажется, чѣмъ все вылившееся до сихъ поръ въ этой темной трагедіи. Таинственный спутникъ послѣднихъ минутъ жизни Сивиллы, мысль о которомъ грозила довести Клауса до настоящаго безумія, въ поискахъ котораго мы съ Кутге сбились съ ногъ,—былъ... Кутге! Кутге?! Есть-ли въ этомъ хоть тѣнь правдоподобія? Старикъ болтаетъ съ пьяныхъ глазъ!

Но нѣтъ! Лабанъ сталъ пьяницей,—это правда, и вотъ даже потерялъ службу, Кутге вынужденъ былъ, наконецъ, отказать ему,—но въ эту минуту онъ не пьянъ! Это не можетъ быть также корыстной или мстительной ложью: Кутгѣ отпустилъ его, оказывается, съ очень приличной пожизненной пенсией. И какъ искренно взволнованъ старикъ, съ какимъ достоинствомъ онъ объявляетъ, что можетъ теперь сбросить съ души камень, давившій его совѣсть! Онъ не могъ говорить, пока жилъ въ его домѣ, ѣлъ его хлѣбъ,—ничего не могъ сказать г. Барентину, когда онъ окликнулъ его среди поля въ тотъ злополучный вечеръ... Все, все правдоподобно! И не могутъ быть вымышлены всѣ эти подавляющія подробности... Боже, что же это за кошмаръ!..

Старикъ видѣлъ Сивиллу съ Кутге два раза: въ первыхъ числахъ октября, далеко въ полѣ, а потомъ 18-го, наканунѣ несчастья, въ глухомъ мѣстѣ у торфяниковъ, куда никто не заходитъ; оба были страшно взволнованы, Кутге на чемъ-то настаивалъ, а она не соглашалась, качала головой, закрывала лицо руками... Потомъ, 19-го, Кутге весь вечеръ не было дома, онъ пришелъ поздно ночью и былъ весь мокрый, сапоги въ глинтъ... откуда же, какъ не съ озера? Дождя не было...

Я провелъ мучительную, бессонную ночь и утромъ поѣхалъ къ Кутге я долженъ объясниться съ нимъ, прежде чѣмъ взваливать на бѣдную голову Клауса новый ужасъ.

Мнѣ трудно рассказывать подробно весь этотъ тяжелый для насъ обоихъ разговоръ. Передо мной былъ истинный джентльменъ и человекъ съ отзывчивымъ сердцемъ, умѣвшій войти въ положеніе другого. Терпѣливо, спокойно, не поддаваясь чувству обиды передъ «допросомъ», онъ разъяснял, что перепуталъ и что прямо солгалъ жалкій спившійся старикъ. Все казалось такъ логично, честно, правдиво,—но что же было все-таки въ его словахъ или въ тонѣ, что въ душѣ у меня притаилась, я чувствовала, глухая тревога?

Если это такъ, — Клауса надо оградить отъ этой безобразной сплетни. Но чтобы взять на свою совѣсть эту ответственность, скрыть это отъ Клауса,—мнѣ надо же было самому непоколебимо вѣрить, что все это вымыселъ. И вотъ, чтобы разсѣять послѣднюю тѣнь сомнѣнія, я рѣшился попросить Кутге успокоить меня своимъ честнымъ словомъ. И въ этомъ мнѣ Кутге отказалъ!.. Рѣшительно и твердо...

— Если болтовня стараго пьяницы имѣетъ въ вашихъ глазахъ такой вѣсъ, что вамъ мало моихъ опроверженій... это такое оскорбительное недовѣріе, которому я не подчинюсь.

— Вполнѣ ли вы звѣсили неизбежныя послѣдствія вашего отказа, ротмистръ?.. Вы понимаете, что я въ такомъ случаѣ вынужденъ буду рассказать Барентину все, что я слышалъ...

— Это ваше дѣло!
— И это ваше послѣднее слово?
— Да.

Мы разстались, не протянувъ руки другъ другу...

Я пропустилъ весь этотъ день. Я боялся сдѣлать слишкомъ поспѣшный шагъ и еще чего-то ждалъ. Но на другое утро поѣхалъ къ Клаусу.

Его я засталъ за новымъ изслѣдованіемъ: онъ бережно выгребъ всю кучку пепла изъ

«Торжество свѣта».

Выдающееся событіе произошло въ жизни захолустнаго провинціального уголка, гор. Игумена, Минск. губ. При большомъ стеченіи публики торжественно водруженъ первый керосино-калийный фонарь. Тутъ же виденъ ветеранъ—старый фонарь-коптилка, отжившій свой вѣкъ даже и для Игумена.

Со снимка фотографа-художника
Н. А. Фридлянда.

Къ открытію Пермь-Екатеринбургской желѣзной дороги.

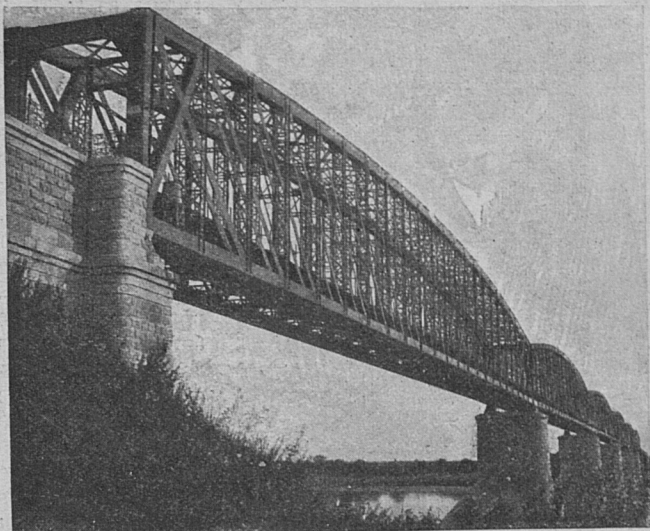
Со снимковъ, доставленныхъ редакціи журнала «Огонекъ» В. К. Шапошниковымъ.

Желѣзнодорожный путь на границѣ Европы и Азии.

Первый изъ воспроизводимыхъ снимковъ изображаетъ пассажирскій поѣздъ новой Пермь-Екатеринбургской желѣзной дороги при пересѣченіи Урала. На второмъ снимкѣ —

грандиозный металлическій мостъ, переброшенный черезъ рѣку Чусовую близъ города Кунгура, Пермской губерніи. Длина новаго пути около 1000 верстъ;

Мостъ черезъ рѣку Чусовую.

онъ будетъ служить продолженіемъ СПб.-Вологодской желѣзной дороги и явится новымъ связующимъ звеномъ между Европой и Азіей.

печи и теперь стоялъ надъ ней, сгорбившійся, съ воспаленными глазами, со зловѣщеспокойнымъ каменнымъ лицомъ. Среди хрупкой, свѣтло-сѣрой кучки сожженныхъ листовъ изъ тетради (онъ вырываетъ изъ тетради оставшіяся чистые листки и сжигалъ ихъ для сличенія...) виднѣлась горсточка чернаго и плотнаго пепла: это несомнѣнно англійская почтовая бумага и такогот формата, на которомъ пишутъ только мужчины...

И среди его новаго открытія я вынужденъ былъ обрушить на его голову страшный грузъ моихъ новыхъ вѣстей!.. Я думалъ тогда, что ничего ужаснѣе этого момента мнѣ не придется пережить, но дѣйствительность доказала, какъ это было наивно.

Съ тѣмъ же зловѣщимъ спокойствіемъ онъ выслушалъ все, вышелъ въ кабинетъ, вынулъ изъ ящика револьверъ—и черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли въ экипажѣ и ѣхали къ Кутге. Подъѣзжая, я только сказалъ ему:

— Помни, Клаусъ, еще ничего не доказано! Не дѣлай ничего въ ослѣпленіи... держи себя въ рукахъ!

Кутге не было... Уѣхалъ — вчера, тотчасъ же послѣ разговора со мной,—на станцію, спѣшно, безъ багажа... Этого мы не ожидали. Это ужъ дѣйствительно наводило на тяжкія подозрѣнія. Вѣдь это похоже на бѣгство! Клаусъ отшвырнулъ съ дороги лакея и бросился въ кабинетъ Кутге.

— Гдѣ почтовая бумага барина? Я напишу ему.

Черезъ минуту Клаусъ перебиралъ руками стопку плотной англійской бумаги большого формата... Вынулъ листокъ, положилъ на выступъ камина и осторожно зажегъ его спичкой...

Дикимъ кошмаромъ кажется мнѣ до сихъ поръ все, что произошло потомъ. Клаусъ сорвалъ со стѣны охотничій ножъ и принялся ломать ящики письменнаго стола... На в. Б мои увѣщанія и просьбы онъ глухо отвѣчалъ, что передъ вопросомъ о жизни и смерти смѣшны всѣ фразы о правѣ и приличіи, на старика-лакея онъ бросился съ револьверомъ, когда тотъ заявилъ, что не можетъ этого допустить, и пригрозилъ убить его, какъ собаку, если онъ не отойдетъ отъ сто-

ла... и сдѣлалъ бы это, мы это оба ясно видѣли...

Въ одномъ изъ ящиковъ стола оказалось большое письмо за подписью Фридриха Кутге и четыре записки къ нему отъ Сивиллы. Первое онъ едва пробѣжалъ, роняя короткія, злобныя замѣчанія о «чувствительностяхъ» и «средствѣ душъ» и впился не одними глазами, а всѣмъ существомъ, въ ровныя, четкія строчки записокъ. Первая была помѣчена апрѣлемъ прошлаго года, — т. е. ровно годъ тому назадъ и за полгода до катастрофы:

«Я не показала мужу вашего письма, такъ какъ хочу избѣгнуть тяжелыхъ осложнений того, чему могу сама положить конецъ. Возвращаю вамъ ваше письмо; уничтожьте его сами и забудьте, что оно было написано. Я вынуждена просить васъ отнынѣ перестать бывать у насъ. — С. ф. Барентинъ».

Вторая записка была помѣчена 5-мъ октября:

«Я не мѣшала вамъ вчера высказаться, — я видѣла, какъ сильна у васъ потребность облегчить душу, и рада, что вы сумѣли въ себѣ побѣдить то, что мѣшало нашей дружбѣ. Но и дружбы вашей принять не могу. Она была бы ложно истолкована. — С. ф. Барентинъ».

Слѣдующая была отъ 16-го октября:

«Да, я глубоко беспомощна. Но въ правѣ ли я принять вашу помощь? Не знаю, не вижу исхода. Дайте мнѣ подумать до завтра. — С. ф. Б.».

Послѣдняя, отъ 19-го, была нервно нацарапана карандашомъ, явно дрожащей рукой:

«Хорошо. Довѣряюсь вамъ. Хочу надѣяться, что такое довѣріе обмануто не будетъ. Вечеромъ, въ условленный вчера у торфяника часъ, буду на озерѣ».

Изъ глубокаго, тяжелаго раздумья меня вывелъ быстрое движеніе старика-лакея, выбѣжавшаго изъ комнаты. Я оглянулся, — Клаусъ сидѣлъ, безсильно уронивъ голову на руки, — и подошелъ къ окну. Я выглянулъ — и оцпенѣлъ: во дворъ вѣзжалъ экипажъ — и въ немъ сидѣлъ... Кутге!.. Надо было дѣйствовать, не теряя ни мгновения.

— Клаусъ! — заговорилъ я, подойдя къ нему и положивъ руку ему на плечо. — Тебѣ понадобится сейчасъ огромное самообладаніе. Кутге пріѣхалъ, сейчасъ войдетъ... лакей докладываетъ ему. Собери всѣ силы, не дѣлай безумія!..

Клаусъ вскочилъ и, сжавъ кулаки, смотрѣлъ на меня широко-раскрытыми, дикими глазами.

— Постой... Выслушай! Ты бросишься на него... все равно, я и его люди — мы вѣдь не допустимъ... значить, вы будете стрѣляться: убьешь его, онъ унесетъ въ могилу тайну... Будешь самъ убитъ, — кто изобличитъ преступника и отомститъ за нее? Съ убійцей ты хочешь сводить счеты, какъ съ честнымъ человѣкомъ! Не о себѣ, а о ней ты долженъ думать, — не дуэль, а прокуратура должна рѣшить вопросъ... Возьми себя въ руки!

Лицо его пожелтѣло, какъ воскъ, и холоднымъ, деревяннымъ тономъ онъ проговорилъ только:

— Ты правъ. У меня хватитъ силъ.

Кутге вошелъ и остановился среди комнаты.

— Я позволилъ себѣ принять мою ответственность, — хрипло сказалъ Клаусъ, указавъ на письма и пряча ихъ въ карманъ. — Угодно вамъ объясниться?

— Ничего не могу вамъ объяснить.

Клаусъ рванулся (револьверъ я успѣлъ выбросить въ окно, едва послышались въ коридорѣ шаги Кутге), я схватилъ его за руку, крѣпко сжалъ ее и твердо посмотрѣлъ ему въ глаза. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, но сдержался, повернулся къ выходу и на порогѣ крикнулъ:

— Я заставлю васъ арестовать, какъ убійцу!

Мы поѣхали къ прокурору. Только пріѣхавъ въ городъ и увидя запертыя магазины, мы вспомнили, что сегодня воскресенье. Дома прокурора не оказалось, уѣхалъ на весь день на охоту. Приходилось отложить до завтра. Клаусъ метался въ отчаяніи: а что, если онъ успѣетъ бѣжать? а что, если онъ...

Да, это послѣднее предполагалъ и я: самоубійство было бы болѣе къ лицу офи-

Проф. Н. А. Щукинъ,
новый товарищъ министра путей сообщенія.

перу, чѣмъ бѣгство. Но я не могъ не думать, что ужъ лучше, во всякомъ случаѣ, чтобы онъ убилъ себя, чѣмъ Клауса.

Оставить его одного въ этотъ день было невозможно; я остался у него. Вся злоба и ярость, пробудившія было всю его энергію, уступили мѣсто взрыву неудержимаго горя и раскаянія. Снова и снова, какъ въ первый день, онъ перебиралъ въ памяти все прошлое, бѣгая по комнатамъ, какъ на-смерть раненый звѣрь въ клеткѣ, оплакивая погубленное своими руками счастье, снова остро переживая горе ея утраты и называя себя ея убійцей.

Настало, наконецъ, утро. Я заставилъ его выпить кофе передъ отъѣздомъ, и пока онъ, стоя, глоталъ его, обжигаясь, подо-

шелъ къ окну и заглядѣлся на дивное весеннее утро. Вдругъ послышался странный гулъ голосовъ, чьи-то испуганные крики, черезъ садъ и мимо ограды побѣжали люди — прислуга, рабочіе, бабы-скотницы.

Что могло случиться? Мы быстро направились во дворъ, на терасѣ наткнулись на лакея, — онъ выронилъ изъ рукъ подносъ съ посудой, и поблѣднѣвшими, трясущимися губами бормоталъ:

— Барыня... Барыня...

Въ безотчетномъ ужасѣ мы бросились внизъ...

Передъ нами стояла Сивилла Барентинъ.

Въ тоскѣ одиночества, съ сиротливымъ сердцемъ, изстрадавшимся отъ неудовлетворенной жажды любви и ласки, Сивилла рѣшила, что Клаусъ не любилъ и не любить ея, и что она для него только бремя, которое онъ несетъ изъ чувства долга. Полюбившій ее Кугге страдалъ за нее и боялся, что она можетъ дойти до отчаяннаго шага. Въ отчаяніи она согласилась на его планъ: уѣхать, скрыться на полгода, — но такъ, чтобы Клаусъ считалъ ее умершей. Если онъ ее любитъ и будетъ тосковать, она вернется черезъ полгода; если же ея смерть только вернетъ ему свободу, она уѣдетъ навсегда въ какую-нибудь далекую, чужую страну подъ чужимъ именемъ и съ разбитымъ сердцемъ будетъ дожидаться одинокую, никому ненужную, безрадостную жизнь.

Планъ былъ жестокой и ужасный, — провести его могло хватить силъ, только рабски подчинившись принятому рѣшенію, проведя его во всемъ до мелочей. И Сивилла ждала истечения срока. Но когда, послѣ разговора со мною, Кугге понялъ, что на него падетъ подозрѣніе въ убійствѣ, онъ поѣхалъ къ ней, и Сивилла рѣшила вернуться за нѣсколько дней до истечения срока.

Судьба сжалась надъ Клаусомъ и Сивиллой: счастье пришло къ нимъ не поздно;

Къ пріѣзду въ Петербургъ Эрнеста Шекльтона.

Лейтенантъ Шекльтонъ, благополучно вернувшійся изъ экспедиціи, предпринятой имъ къ Южному полюсу, въ настоящее время объѣзжаетъ европейскія столицы для чтеній лекцій.

Шекльтонъ на дняхъ прибылъ въ Петербургъ.

должно быть, она рѣшила, что они купили его достаточно дорогой цѣной.

Въ тотъ же день получилось письмо отъ Кугге — прощальное, задушевное и грустное. Онъ поручилъ продать за безцѣнокъ свое родовое имѣніе и въ тотъ же день покинулъ родные края навсегда.

Редакторъ П. А. Васильевъ.

Издатель С. М. Пропперъ.

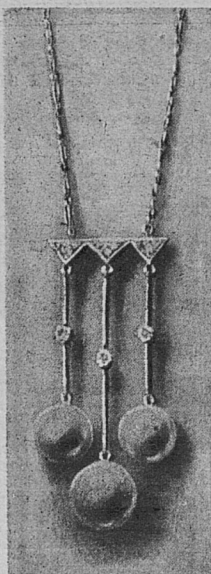
Танецъ «Вакханалія», сочиненіе и постановка М. М. Фокина, музыка А. К. Глазунова, шедшій съ огромнымъ успѣхомъ нынѣшней весной въ Парижѣ. Пойдетъ въ томъ-же составѣ исполнителей въ Петербургъ 22-го января, въ Дворянскомъ собраніи, въ программѣ этнографическаго концерта-бала.

ЖЕМЧУГА КЕПТА.

РУБИНЫ КЕПТА.

САФИРЫ КЕПТА.

ИЗУМРУДЫ КЕПТА.

ЖЕМЧУГА КЕПТА И
НАСТОЯЩЕ БРИЛЛАНТЫ.

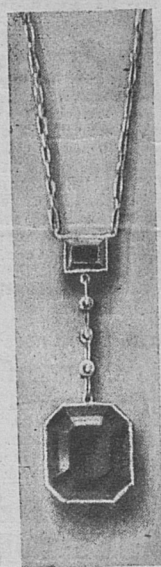
ЖЕМЧУГА КЕПТА

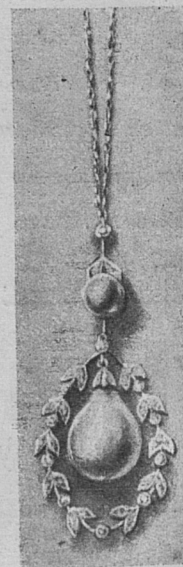
РУБИНЫ КЕПТА И
НАСТОЯЩЕ БРИЛЛАНТЫ.

ЖЕМЧУГА И ПЕРЕРАБОТАННЫЕ ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ КЕПТА
ОПРАВЛЕНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НАСТОЯЩИМИ БРИЛЛАНТАМИ
ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ОПРАВАХЪ.

ИЗУМРУДЫ КЕПТА И
НАСТОЯЩЕ БРИЛЛАНТЫ.

ЖЕМЧУГА КЕПТА И
НАСТОЯЩЕ БРИЛЛАНТЫ.

СПБ. *Кепта* Тел. 204-94.
МОРСКАЯ, 21.

ЕДИНСТВЕННОЕ ОТДѢЛЕНИЕ
ВЪ РОССІИ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

ПРОТИВЪ СТАРОСТИ

гематогенъ **Д-ра Гоммеля**
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ! Требуйте настоятельно имя Д-ра Гоммеля.

ТОЛЬКО 2 руб. 95 коп.
туалетные часы съ зеркаломъ и музыкой. Нилучшій подарокъ себѣ, женѣ, родственн. и знаком. Вы доставите много удовольствія себѣ, семейству и гостямъ, приобретая самоиграющее туалетное зеркало съ часами и музыкой „Симфонія“, играющее громко и долго красивыя и веселыя пьесы, вальсы, марши, польки и народныя пѣсни, какъ-то: „Боже, Царя храни“, „Коль славы“, „Камаринскую“, „Трепакъ“, вальсъ „Ожиданіе“, „Лѣсная сказка“, „Во полѣ береза стояла“, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ или „Возлѣ рѣчки“ и т. д., со шлифованнымъ зеркаломъ парижской выдѣлки, въ изыскомъ полированномъ корпусѣ. Часы эти кромѣ того отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ любой комнаты. Часы высылаются вывѣренн. до минуты, съ ручательствомъ за вѣрность хода и непортящуюся музыку на 5 лѣтъ. Цѣна только 2 р. 95 к., 3 р. 90 к., 4 р. 50 к., а самаго большого размѣра—5 р. 50 коп. Пересылка за счетъ заказчика и 1 р. 45 к. Заказы адр.: **Торговой фирмѣ Н. С. ГЕЙЛЕРЪ, Варшава, Твердая, № 32—П.**

ДЕШЕВЛЕ НЕЛЬЗЯ!
Высылаю по почте налогъ, платежомъ безъ залатка цѣлый отрыв матеріи шевюгъ „Триумфъ“ въ 4 1/2 арш. на полный мужской **КОСТЮМЪ** за 2 р. 75 к.
Несмотря на крайнюю дешевизну, матеріа „Триумфъ“ шерстяная (не бумажная) и обладаетъ всеми качествами наилучшихъ матерій—весьма прочна, практична и изяшна. Цвѣта: черн., т.-синій, коричн., оливок. Пересылка 55 коп. Также высылаю готовый, сшитый, весьма практичный и красивый **ПИДЖАКЪ** за 2 руб. годный для всякаго сезона года. Пересылка 85 коп.
За 2 руб. **БРЮКИ** высылаю готовые, сшитыя изъ прочной практичной матеріи. Пересылка 85 коп. При выпискѣ 8-хъ или болѣе предметовъ пересылка за мой счетъ. Требования адресовать: г. Лодзь, № 1246, фабриканту: **ЗИГМУНТУ РОЗЕНТАЛУ.**

ИЩУ КОМПАНИОНА.
Я избрѣлъ **ТАИНСТВЕННЫЕ ОЧКИ РАДІИ** Носить такіе очки можетъ узнать время, не вынимая часовъ изъ кармана, безошибочно узнаеть карты съ обратной стороны и т. д.
Образцы высылаются. Требуется агентъ. Напишите сегодня же точно, разборчиво Вашъ адресъ и приложите 50 к. почтов. марк. для пер. подробн. свѣд. и брошюру. гор. Рига, Лифл. губ.
П. П. Ротслане.

МАТРАЦЫ, КРОВАТИ

мѣдныя, никелир. отъ 25 руб.
Мраморн. умывальники отъ 15 р., громадный выборъ всевозможн. кроватей, умывальниковъ по очень дешев. цѣнамъ. **ТОВАРЪ** высшаго **КАЧЕСТВА**, съ гарантіей“.
СПБ., Симеоновская ул., № 6, уг. Шоховой.
А. Е. ПРѢЛОВСКІЙ.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА!

ТОГО, КТО НЕ ОТВѣЧАЕТЪ НА ВАШУ ЛЮБОВЬ
Овладейте непокорнымъ сердцемъ причиняющимъ мученія. Это легко сдѣлать безъ вѣдома того, чьей любви вы добиваетесь. Невѣроятное сдѣлалось возможнымъ благодаря впервые печатающейся книгѣ „Тайныя силы и любовь“ содержаніе которой было до сихъ поръ секретомъ. Цѣна книги съ перес. 2 р. 35 к. Просятъ высылать стоимость или задатокъ, почтовыми марками.
Высылается н. наложен. платеж. Адресъ: С.-Петербургъ, 196 Троицкій пр., 18, В. Легау.

Требуйте немедленно въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ даромъ книгу: „Планство, запой, вредъ и борьба съ нимъ“ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО—депо: СПБ., Ст.-Петербургской пр. 18, кв. 5.

Много денегъ Зарабатывать

можетъ всякій, научившись выдѣлывать мыло по моему руководству и рецептамъ. Мыло по моему способу обходится 1 р. 30 к.—1 р 50 к. пудъ, выдѣлывается холоднымъ способомъ совсемъ безъ варки, можно выдѣлывать въ любыхъ пропорціяхъ, даже нѣсколько фунтовъ, замѣчательно твердо, красиво блѣло мраморное, синее, сѣрое, розовое и желтое, не уступаетъ вареному мылу, которое стоитъ 4—5 руб. пудъ. За качество мыла на парижской выставкѣ получилъ дипломъ высшю награду Grand Prix съ золотой медалью. Не надо затраты на обзаведеніе и устройство, выдѣлка такъ же и обученіе очень легко и совсемъ не сложно; за обученіе взимаю 15 р., по полученіи 5 руб. задатка высылаю руководство и рецепты наложеннымъ платеж. на остатокъ.
Адресъ: Одесса, мыловаренный заводъ **Х. КОГОНА.**
Контора: уг. Базарной и Ришельевской № 45/43—2 Телефоны 12—52 и 50—99.

РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ

высп. кач. для надобностей гигиены

„ЛЕДА“

Американск.-резиновой мануфактуры **„Колумбія--Чикаго“**
Продаются въ лучш. резинов. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. **Фабричный складъ для Россіи:** С.-Петербургъ, Невскій, 108.
Прейс-куррантъ и брошюры высылаются по требованію бесплатно въ запечатанномъ конвертѣ.

ЭФЕДРУ (Кузьмича) можно получить изъ склада Г. М. Гафурова (г. Бузулукъ, Самарской губ.) по цѣнамъ (со скидкой 3 1/2%) противъ прочихъ складовъ: майская съ цвѣтами въ коробкахъ 1 ф.—3 р. 50 к., въ бумажкахъ—2 р. и 1 руб

„КРАСИВУЮ ГРУДЬ“

можетъ имѣть всякая женщина и дѣвушка, если познакомится съ замѣчательной книгой д-ра А. Лори „Какъ увеличить и укрѣпить женскій бюстъ“. Высылается въ запечатанномъ конвертѣ, наложеннымъ платежомъ 1 руб. 25 коп.
Кромѣ того поступила въ продажу новая книга д-ра Ванъ-деръ-Борнъ **Избѣжаніе материнства** въ связи съ гигиеной брака, съ точки зрѣнія совр. медик. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкой.
Складъ изданія: С.-Петербургъ, Вл.-димирскій пр., 7, К. Губинскаго.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Получены самые лестные отзывы Руководство къ устр. **ДОЛГОВЪ НАГО ЭЛЕКТРИЧЕСК. ОСВѢЩЕНІЯ.**

Выс. за 60 к. (можно мар.). Нал. пл. 75 к. Изложенная въ руков. система проста, дешева и практична и положит. неизмѣнима для освѣщ. спаленъ, уборн., кладов., сѣнов., и всюду, гдѣ есть опасн. отъ огня, особенно въ усадьбахъ и на дачахъ. Небольшая затрата на устр.; самый прост. уходъ; ничтожн. расходъ въ годъ на содерж. Руков. составлено настолько просто и ясно, что каждый, безъ всяк. познаній, легко устронитъ все собственноручно. Кромѣ того, въ руков. указано устр. **ЭЛЕКТРИЧЕСК. ЗВОНКОВЪ И СИГНАЛИЗАЦІИ.**

Руководство къ прост. изготовленію **Аккумуляторовъ**

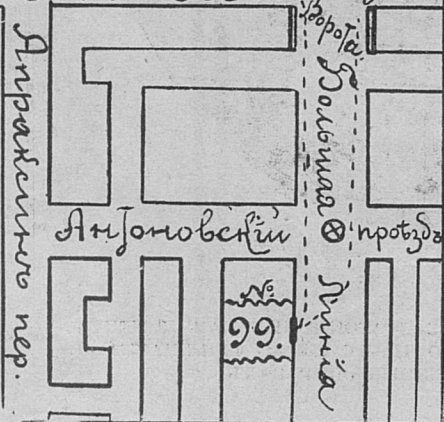
карман. и перенос., уходъ за ними, зарядка и пр., съ описаніемъ наиболѣе примѣн. для заряд. гальван. элемент. Выс. за 50 к. (м ж. мар.). Нал. пл. 70 к. Руков. къ собственноруч. изготовленію

ЭЛЕКТРИЧ. БАТАРЕЕКЪ КАРМАННЫХЪ ФОНАРЕЙ.

Выс. за 40 к. (мож. мар.). Нал. пл. 60 к. Полное изготовленіе очень сильной батарейки обходится не дороже 3-4 к., **Всѣ 3 руков. выссыла. за 1 р. 30 к., налогъ плат. 1 р. 50 к.**

АДРЕСОВАТЬ **М. А. БОГОЛЪПОВУ, Москва, Б. Козихинскій пер., д. № 4—6.**

Садовая ул.

Для мѣстныхъ многоуван. г.г. покупателей, съ цѣлью облегченія нахожденія нашего магазина—по мѣщаемъ при семъ **ТОЧНЫЙ ПЛАНЪ.**

Не смѣшивать съ однородными сосѣдними магазинами.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

Телеф. № 16-71.

Т-Д В. ВОЛКОВЪ и К°

СПБ. внутри АПРАКСИНА ДВОРА по Большой линіи № 99. у часовни.

Рекомендуетъ приобрести въ розницу по оптово-фабричнымъ прейс-куррантамъ въ большомъ выборѣ: льняныя полотна и столовое бѣлье фаб. вѣт. Локадова и Жирардовской мануфактуры. Ручной деревенскій холстъ. Парусины и брезенты, пропитанные и обыкновенные. Готовые мѣшки. Бумажныя ткани Морозова и др. лучшихъ фабрикъ дешевле фабричн. прейс-куррантовъ.

ГОСПИТАЛЬНОЕ БѢЛЬЕ.

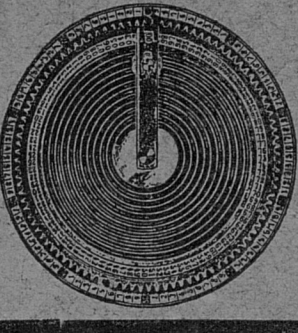
Приемъ заказовъ на полное приданое.

Высылается въ провинціи наложеннымъ платежомъ.

Железные дороги, обремененные урожаем минувшего года.

Оригинальный рисунок Пьер-О для журнала «Огонек».

Счетная машина „МАКСИМА“ продается съ ручательствомъ и стоитъ въ изящномъ футлярѣ 5 рублей безъ футляра на 1 руб. дешевле. Пересылка по тарифу за 2 фунта. ПРОДАВЦАМЪ СНИЖКА.
Главный складъ: РЕЙНГ. ВИТТЪ С.-Петербургъ, Троицкій просп., 19-А.

ПЕРЕСТАНЬТЕ СЧИТАТЬ НА СЧЕТАХЪ

ихъ постоянное щелканье способно дѣйствовать на нервы самого здороваго человека.

За границей никогда не пользовались этимъ безпокойнымъ приспособленіемъ и прямо отъ счета въ умѣ и карандашомъ перешли къ счетнымъ машинамъ. Пора и русскимъ счетоводамъ отрѣшиться отъ вѣковой привычки и, оставивъ счеты, ввести въ употребленіе счетныя машины; въ особенности, когда онѣ по своей цѣнѣ доступны буквально для всякаго. Лучшая изъ нихъ „МАКСИМА“: совершаетъ всѣ четыре арифметическихъ дѣйствія надъ какими угодно числами, легка (ее можно всегда носить съ собою), прочна, потому что вся сдѣлана изъ металла, и настолько проста, что обращаться съ нею можетъ въ полчаса научится даже ребенокъ.

ЖИВЫЯ СЛОВА

ЛЪВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

Пять граммофонныхъ пластинокъ записанныхъ съ голоса великаго писателя

Акц. О-омъ ГРАММОФОНЪ.

- М. 021000 Мысли изъ книги „На каждый день“
- С. 21407. Мысли изъ книги „На каждый день“
- С. 2-41114. Gedanken aus dem Buche „Für alle Tage“
- С. 31329. „Ou'est ce qu'est la Religion“.
- С. 1412. Thoughts from the book „For every Day“

Часть продажной цѣны съ каждой пластинки поступаетъ въ пользу О-ва Дѣятелей періодическ. печати.

ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫПУСКУ СЕРІЯ ПЛАСТИНОКЪ ТОГО ЖЕ ЦИКЛА.

Живыя слова нашихъ писателей, обществ. дѣятелей и артистовъ.

Записаны: В. Вересаевъ, И. Бунинъ, Н. Телешевъ, Н. Златовратскій, С. А. Муромцевъ, Б. Зайцевъ, Г. Н. Ѳедотова, М. Н. Ермолова, А. И. Южинъ, А. Яблочкина, Н. М. Падаринъ, сестры Любошицы, Алла Томская, Э. Чарнецкая, г. Пикокъ, г. Канцель.

Цѣна пластинкамъ: Грандъ 2 руб., Гигантъ 3 руб.

Акц. Общество ГРАММОФОНЪ

Москва, Средніе Торговые Ряды, №№ 312/322.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Фонтанка, 58. ХАРЬКОВЪ, Николаевская пл., 18.

ТИФЛИСЪ, Головинскій пр. № 9. РОСТОВЪ н/Д., Б.-Садовая, Гор. д.

ОМСКЪ, Любинскій пр., д. Ганшинскихъ

и во всѣхъ граммофонныхъ магазинахъ.

Готовится къ выпуску сборникъ съ портретами, биографіями и отрывками изъ произведеній, записанныхъ на пластинкахъ: Л. Н. Толстого, другихъ писателей и многихъ обществен. дѣятелей.

Лучше и дешевле нельзя!
За 3 руб. 30 коп. высылаю по почте налож. платежомъ безъ задатка изъ той отрывъ шевітъ „Олимпъ“ въ 4 1/2 арш. для полн. мужск. костюма. Упаковка и пересылка за мой счетъ. Несмотря на необычайно дешивизну, матерія эта шерстяная (не бумажная) и обладаетъ всеми качествами наилучшихъ матерій—весьма прочна, практична и красива. Шитье: не и, т. ній, коричн. и олинк. При вышеск 8-хъ или болѣе отрывъ прилагаю ко всѣмъ отрывъ подкладку какъ
ПРЕМИА БЕЗПЛАТНО
Треб. адресъ: г. Лодзь № 124 г., Фабр. ВИГМУНТУ РОЗЕНТАЛЮ

Американская Гигіена САНАДЕРМА „КРЕМЫ“

Мыла, пудра, паста,
ПОРОШОКЪ ДЛЯ ЗУБОВЪ.
Фабрика въ Сан-Франциско.

Продается въ аптекарск. и парфюмерн. магаз. Отдѣленіе для Россіи: Москва, Никольская, домъ Греческаго Монастыря. Телеф. 52—19.

ЛѢПНАЯ БУМАЖНАЯ

СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ

на Международн. строит. выставкѣ
АРХИТЕКТУРНЫЯ УКРАШЕНІЯ

всѣхъ стилей; для отдѣлки домовъ, дачъ, переквей, торговыхъ помѣщеній, парадныхъ лестницъ и т. п., какъ-то: розеты, углы, карнизы, фризы, тяжи, багеты, цѣлыя потолки; панели, рамы и всевозможныя украшенія для стѣнъ. Дешевы, красивы и практичны, легки для перевозки и при постановкѣ. Рекомендуетъ фабрика издѣлій изъ бумаги А. Г. Ильина, С.-Петербургъ, Борова 5, Лит. А. Иллюстр. прейсъ-кур. высылаются по получ. 70 коп. марками.

Produits Hygiéniques de la Beauté

Для радикальнаго и экономнаго усовершенствованія красоты и сохраненія ея до глубокой старости.

НОВОСТЬ: Antirides Beauté des Cdalysques

Абсолютно безвредное, единственное радикальное средство противъ морщинъ, придающее лицу нѣжность и свѣжесть. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Спб. Дмитровскій пер., д. 14, кв. 1. Отъ 2—8 час.

МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ

100 равн. рядкихъ только 1 р. 50 к. съ пересылкой. Подробный каталогъ безплатно. Адресъ: г. Рига, Филателисту В. А. Зольману.

ЕДИНСТВЕННОЕ ВЪ МИРѢ НАСТОЯЩЕЕ ПРОЗРАЧНОЕ

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
СПБ. П. А. МИЛЛЕРЪ СПБ.

Воскресные КУРСЫ Счетоводные

И. П. БАБЕНКО. Спб., Владимір. д. № 7.

Приемъ продолжается.

ВНИМАНІЮ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ФИРМЪ.

бухгалтерск. кабинетъ

„Коммерсантъ“

СПБ., ул. Жуковскаго, д. 7,
тел. 245—76.

Принимаетъ на себя организацию и веденіе отчетности и счетоводства во всякаго рода предпріятіяхъ и учрежденіяхъ; исправляетъ и приводитъ въ образцовый порядокъ запущенное и запущенное веденіе книгъ; составляетъ балансы, отчеты и планы хозяйскихъ книгъ; даетъ совѣты и указанія по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ счетоводству; рекомендуетъ дѣеспособныхъ бухгалтеровъ и конторщиковъ изъ числа своихъ учениковъ; ответственное, добросовѣстное и быстрое выполненіе работъ. Плата умеренная.

Получают...

Оригинальный рисунок Пьер-О для журнала «Огонек».

Рабочий отъ подрядчика.

Интендантъ отъ подрядчика.

Новобранецъ отъ интенданта.

Интендантъ отъ сенатора Гарина.

КАКАО

ЭЙНЕМЪ

САМЫЙ ЗДОРОВЫЙ
УКРѢПЛЯЮЩІЙ
ПИТАТЕЛЬНЫЙ
НАПИТОКЪ.

**ТРЕБУЙТЕ
ВЕЗДѢ.**

**СИГАРЫ
ГАВАНЕРА**
все лучше—
да лучше

Спяно пастой „Ферроль“

Техн. Конт. В. Ю. фонъ-Денфферъ

ИГРАТЬ заочно уч. по цифр. Спшите
И куп. за подцѣны гарм., гит., бал.,
скр., манд. и пр. мой самоуч. пр. вездѣ
выбѣто 1 р. по 20 к., 800 пьесъ по 10 к.
СПБ., Б. Дворянск. 7. И. Шашичъ.

№ 4711.

**ЦВѢТОЧНАЯ
ЭССЕНЦИИ**
БЕЗЪ АЛКОГОЛЯ,

ЛАНДЫШЪ,
ФИАЛКА,
РОЗА,
СИРЕНЬ,
ЖАСМИНЪ,
ГИАЦИНТЪ,

наивысшей концентрации.
Достаточно одной капельки,
чтобы вызвать прелестный
ароматъ живыхъ цвѣтовъ въ
ихъ натуральной свѣжести.

ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ,
въ Кельнѣ и/Рейнѣ и
въ Ригѣ.

Продается въ аптекахъ, антикварскихъ
и гастрономическихъ магазинахъ.

РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ НѢЖНОСТИ И СВѢЖЕСТИ ЛИЦА
Косметическіе спермацетовые личные утиральники.
Приготовлены въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторією Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглуудъ.
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа для лица дѣ-
лается чистою, нѣжною и приятно освѣжающею. Удобное средство въ дорогѣ,
гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра. Особенную
важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гри-
мировку, бѣлая румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкой не менѣе 2-хъ пачекъ 2 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на
подпись А. Энглуудъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Ко-
сметической Лабораторіи, которая имѣются на всѣхъ этикеткахъ. Получать
можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и
парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и скла-
ды фирмы для Европы: Гамбургъ — Эмиль Беръ; Вѣна — Лео Глаубаухъ,
Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца — Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Аме-
рики: Нью-Йоркъ — Л. Миннеръ.
Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Ново-
деревенская набережная, 15.

**ВЪ
РАЗСРОЧКУ**

БЕЗЪ ПОРУЧИТЕЛЕЙ ПО ВСЕЙ РОССІИ
ВСЕВОЗМОЖНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

УДЕШЕВЛЕННЫЯ ЦѢНЫ НА ГРАММОФОНЫ:
съ заводомъ на дѣя пластинки однопружинный: въ 10 р.,
12 р., 15 р., 18 р., 20 р., 25 р., и 30 р. двухпружинный
съ заводомъ на три пластинки: въ 35 р., 40 р., 45 р., 50 р.
двухпружинный съ заводомъ на 4 пласт.: 60 р., 70 р., 75 р.
съ заводомъ на восемь пластинокъ: въ 85 р., 90 р., 100 р.,
125 р., 150 р. и 250 р. Каталогъ граммофонъ за 7 к. марки.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ СПБ. СКЛАДЪ ПЛАСТИНОКЪ.
„ОФЕОНЪ“ „БЕКА“ „ТОНОФОНЪ“ „ЗОНОФОНЪ“ „ОМОКОРДЪ“ „ФАВОРИТЪ“
по 75 к. по 1 р. по 75 к. по 1 р. по 1 р. 25 к. по 1 р. 25 к.

КАТАЛОГЪ УДЕШЕВЛЕННЫХЪ ПЛАСТИНОКЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.
Г-во И. ВИНУКUROVЪ и Н. СИНЦІКІЙ, Спб., Садовая, 29.
Прейсъ-курантъ всѣхъ музык. инстр. въ 190 стр. и условія разр. за 3—7 к. марки.

ПРОДАЖИ
ОПТОМЪ
ВЪ РОЗНИЦУ